

Нотешные дундуга

ЦЫРЕН-БАЗАР БАДМАЕВ

Издательство "Детская литература"

ЦЫРЕН-БАЗАР БАДМАЕВ

Перевод с бурятского

РИСУНКИ Е. ЧЕРНЯТИНА

Москва
„Детская литература“

1978

О МОЕМ ДРУГЕ

Цырён-Базар Бадмаёв — поэт, прозаик, драматург. Сейчас ему пятьдесят лет. А я помню его двадцатилетним, когда приехал он в Москву, в Литературный институт имени А. М. Горького. За тридцать лет, прошедших с тех пор, он написал и издал тридцать стихотворных сборников. Тогда же он приехал с рукописью первой своей книги «Утреннее солнце». Приехал издалека, из Бурятии, где солнце поднимается на пять часов раньше, чем в Москве.

Из его рассказов, стихов, сказок, воспоминаний о родной Бурятии вставал перед нами чудесный образ страны его детства. Бурятия на юге соприкасается с бескрайними степями древней Монголии, а на севере её омывает, говоря словами старинной русской народной песни, «славное море, священный Байкал».

Байкал мне представляется сказочным стариком, которому отдают свои воды царственная Селенга и ещё втекающие в него триста рек и речек, а вытекает из него только одна река. Но эта одна — Ангара!

Образ Байкала рождает ещё один поэтический образ — образ нашей многонациональной советской литературы: вобрав в себя большое количество (более семидесяти пяти!) национальных литератур — и русскую, и грузинскую, и армянскую, и бурятскую, — течёт она в мир, к людям, к читателям через годы и страны единым великим потоком.

Где зарождается литература? Какими истоками она питается? Зарождается там, где живут и трудятся люди. Животворный её источник — жизнь и труд народа. А кто может сказать, когда, в какой момент в Цырене, сыне Бадмы, начал за-

рождаться будущий писатель? Может быть, тогда, когда маленький Цырен впервые обуздал неподступного и дикого гордого скакуна? Или когда он стал подпаском, чабаном?

Может быть, об этом мог бы рассказать его отец, старый Бадма, проживший большую трудовую жизнь? Да недавно занедужил старый Бадма: не мог сидеть без дела и решил поправить покосившийся ветхий забор. А человеку всё-таки девяносто второй год пошёл!

Трудолюбивым рос его сын, весь в отца. И, видать, с малолетства нелёгкий труд чабана был ему не в тягость, а в радость. Не тогда ли, в далёком детстве, его поднадзорные ягнята показались ему столь потешными, что теперь, через много-много лет, свою новую книгу он решил назвать: «Потешные ягнята». Решил поделиться своей детской радостью с теперешними ребятами.

В книге явно прослеживаются черты биографии её автора:

Ещё я в школу не ходил,
Ещё не пас в степи овец,
Когда в седло меня отец
Впервые, помню, посадил.
Хлестнул гнедого он,
и тот
Галопом сразу с места взял...
«Мужчина ты!» — отец кричал,
А шёл мужчине...
пятый год!

Увлечённо и увлекательно поэт рассказывает детям о золотой поре своего собственного детства. Многим читателям, а особенно юным и совсем ещё маленьким, он открывает свой, совершенно новый для них мир.

Стихи поэта о его земляках, о родном крае, о друзьях детства и сегодняшних бурятских мальчишках написаны красочно и ярко, со знанием и с любовью к тому, о чём он пишет. В своих героях автор зорко подмечает и поэтически воссоздаёт отличительные чёрточки характера, поведения, настроения, обычного и мимолётного состояния, малейшего душевного движения. Иногда он подмечает в них нечто, вызывающее у него улыбку или усмешку. И тогда его стихи согреты юмором, они смешны и остроумны.

Смех действует тоньше и вернее указующих и запрещающих перстов, особенно на детскую душу, стремящуюся к не-

подвластности, самостоятельности и независимости. Можно было бы разными способами указать ребёнку на его странную привычку грызть на уроке линейку, карандаш — любую деревяшку. У поэта есть для этого свои средства. Он просто, но обязательно с юмором рассказывает о таком мальчике. Он как будто бы вовсе не хочет никого воспитывать, не хочет поучать. Прочтите стихотворение «Чего не поняла мама», и вам станет понятным его, конечно же воспитательный, педагогический, приём. Мама не поняла, почему её сын

Всегда голодный, словно волк,
Сидит он на уроке,
Зубами деревяшку — щёлк
И ест за обе щёки!

А ребята всё поняли. И обращение к ним в конце стихотворения лишний раз предостерегает их от подобной привычки:

Ребята! Вы удивлены?
Подумайте-ка всё же,
Средь вас такие грызуны
Найдутся, может, тоже.

Эта история напоминает известный случай, происшедший с нашим выдающимся поэтом Михаилом Светловым. Вздвигнутая и напуганная жена ввела к нему в кабинет маленького сына:

— Посмотри, он выпил чернила! Что делать?

Мальчику можно было бы долго и вразумительно объяснить, что пить чернила нехорошо, нельзя, что это, наконец, опасно. Но надо ли любому человеку, даже малышу, объяснять самоочевидные вещи? На помощь пришёл знаменитый светловский юмор.

— Он выпил чернила? — спросил Михаил Аркадьевич. — Так пусть закусит промокашкой!

У Ц.-Б. Бадмаева свой юмор. Он помогает поэту в стихах обходиться без назидательности. Даже в тех случаях, когда она, казалось бы, необходима, когда речь идёт о маленьком Дугардэне, который не любил физкультуру, или о его друге:

По хозяйству помогать
Не любил Дондо́к.
Но зато любил айра́к,
Сливки и творог.

Много интересного найдёт в книге юный, да и не только юный, читатель. Запоминаются, например, стихи о животных. Небольшая поэма «Надмак» о маленьком табунщике и его конях написана стремительно и живо, с глубоким поэтическим проникновением, так сказать, в психологию животных. Ритм поэмы как бы соответствует тому стремительному ритму военного времени, когда маленький табунщик услышал голос своего четвероногого друга, проезжавшего на фронт мимо своей родной железнодорожной станции:

Вспомнил, видимо, гнедой
Степь,
Покрытую туманом,
Где табунщик молодой
Захлестнул его арканом.
Вспомнил, видимо, гнедой
Степь родную ночью лунной,
Где впервые под уздой
Вёл его табунщик юный.
Вспомнил, видимо, гнедой
Сенокос,
Ржаное поле,
Где он, стройный,
Молодой,
В табуне гулял на воле.

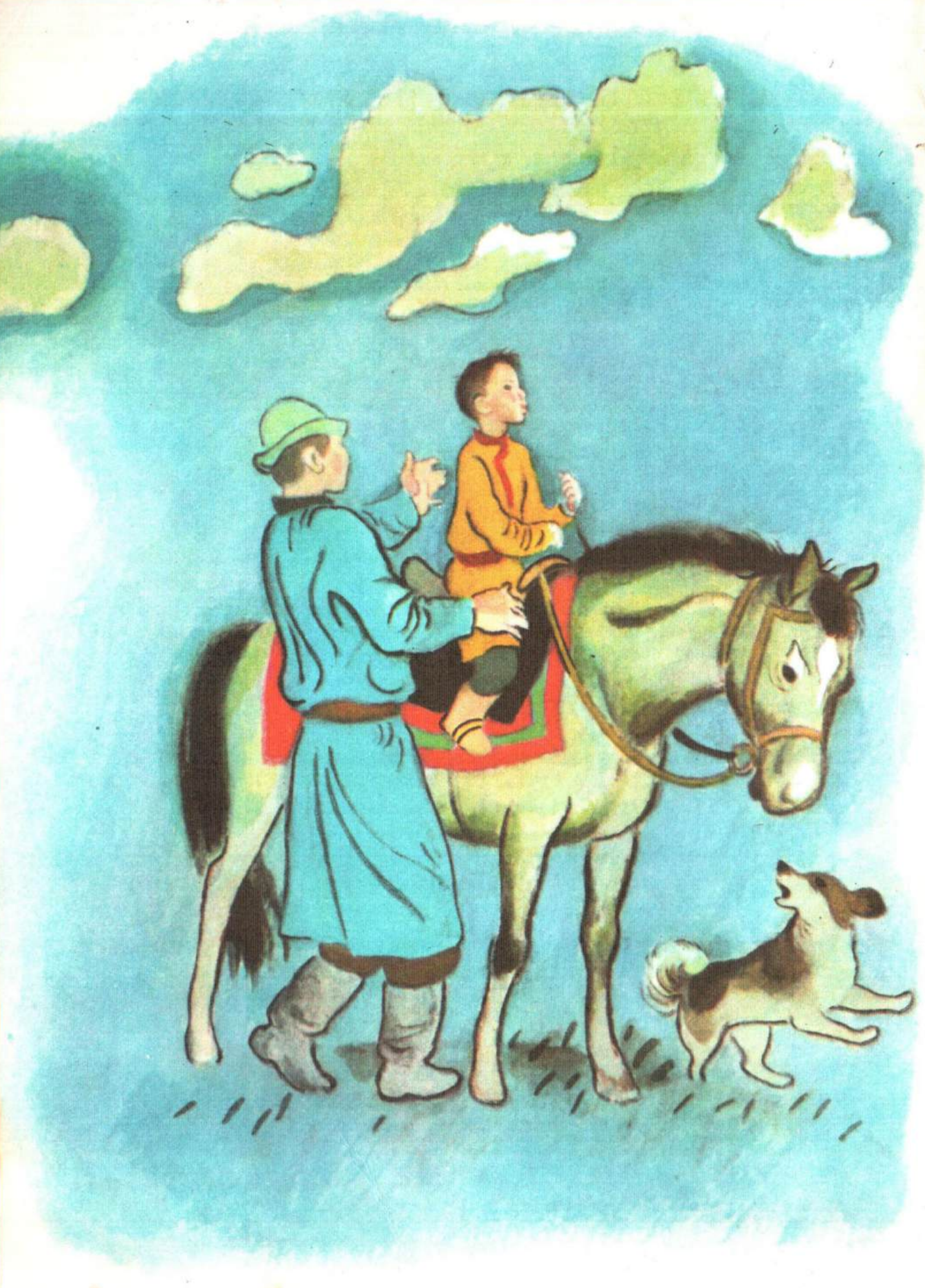
В книге много познавательного. Я уверен, что кто-то, прочитав:

Любого нынче скакуна
Я заарканю в миг один,
А после — ноги в стремя
И мчусь, как ветер баргузин!..—

вдруг с радостью узнавания и открытия поймёт уже когда-то неоднократно слышанное, но доселе непонятное слово из упоминавшейся нами песни про славное море, священный Байкал: «Эй, баргузин, пошевеливай вал...» Это, оказывается, не лодочник, сидящий на руле или на вёслах, а ветер!

Мне нравится эта интересная, весёлая книжка. Мне нравится её автор. И я хочу, чтобы читатели полюбили эту книгу и её автора. Его имя запоминается, как стихи: Цырен-Базар Бадмаевич Бадмаев.

Александр Николаев

МУЖЧИНА

У нас в Бурятии, друзья,
Садятся рано на коня...
Ещё я в школу не ходил,
Ещё не пас в степи овец,
Когда в седло меня отец
Впервые, помню, посадил.

Хлестнул гнедого он,

и тот

Галопом сразу с места взял...
«Мужчина ты!» — отец кричал,
А шёл мужчине...

пятый год!

Вцепился в гриву я, скачу!..
В ушах гудит, в глазах темно...
Пускай погибну — всё равно, —
Держусь, сдаваться не хочу!

От ветра встречного слеза
Блестит росой в моих глазах.
Хоть мне и страшно, но креплюсь
И всё быстрее, всё дальше мчусь...

С тех пор прошло немало лет,
Смешно те годы вспоминать, —
Сейчас коня такого нет,
Чтоб не сумел я обуздать!
Любого нынче скакуна
Я заарканю в миг один,
А после — ноги в стремя
И мчусь, как ветер баргузин!..

У нас в Бурятии, друзья,
Садятся рано на коня...
Ещё я в школу не ходил,
Ещё не пас в степи овец,
Когда в седло меня отец
Впервые, помню, посадил.
Хлестнул гнедого он,

и тот

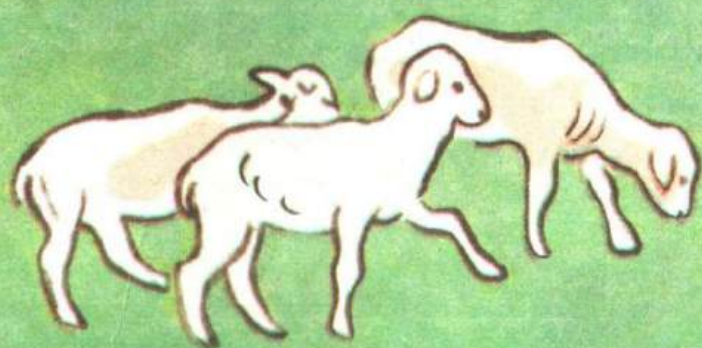
Галопом сразу с места взял...
«Мужчина ты!» — отец кричал,
А шёл мужчине...

пятый год!

На берегу
Шушутая

СТЕПНАЯ ПЕСЕНКА

Солнце, играй
В небесах надо мной,
Медленный жар,
Разливайся, дневной!
Воздух настоен
На травах пахучих,
Дышится сладко
Степью родной.

Игрун-жеребёнок
На травке пасётся,
Взбрыкнёт —
Колокольчик
На шее зальётся.

Жаворонок
Надо мною снуёт,
Песню счастливую
Звонко поёт.

То жеребёнок
Со звоном резвится,
То раздаётся
Песенка птицы.
Музыка, музыка
С разных сторон...
Где колокольчик?
Где песенки звон?

САГАН-ШУЛУТАЙ

Саган-Шулутай,
Долина моя!
Здесь мать пеленала,
Растила меня.

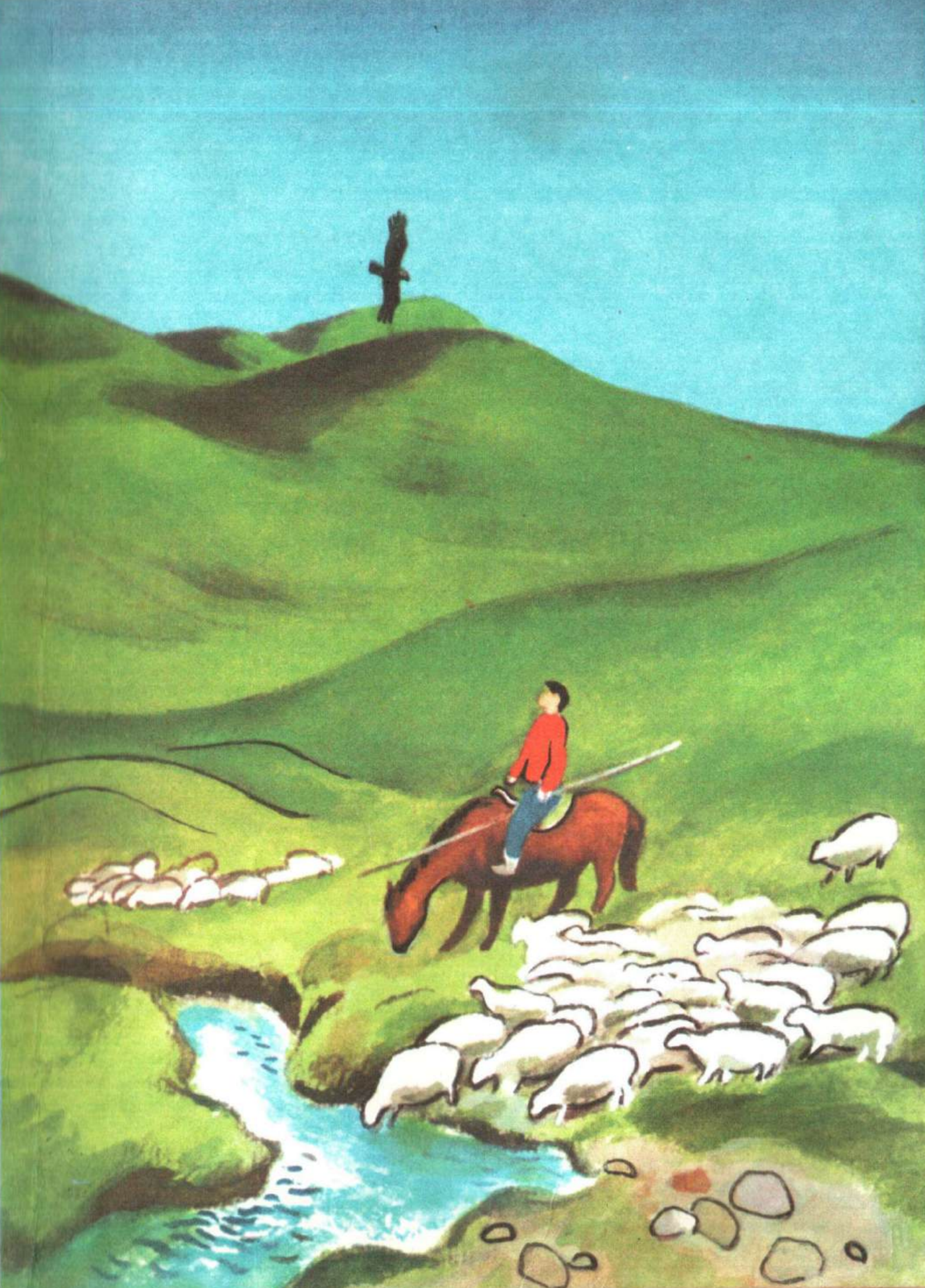
Здесь плещет родник
Под самой горой,
Поил он меня
Живою водой.

Не налюбуюсь
Я никогда
Степью, где в юности
Пас я стада.

Потом я по свету
Немало бродил
И снова в Саган-Шулутай
Приходил.

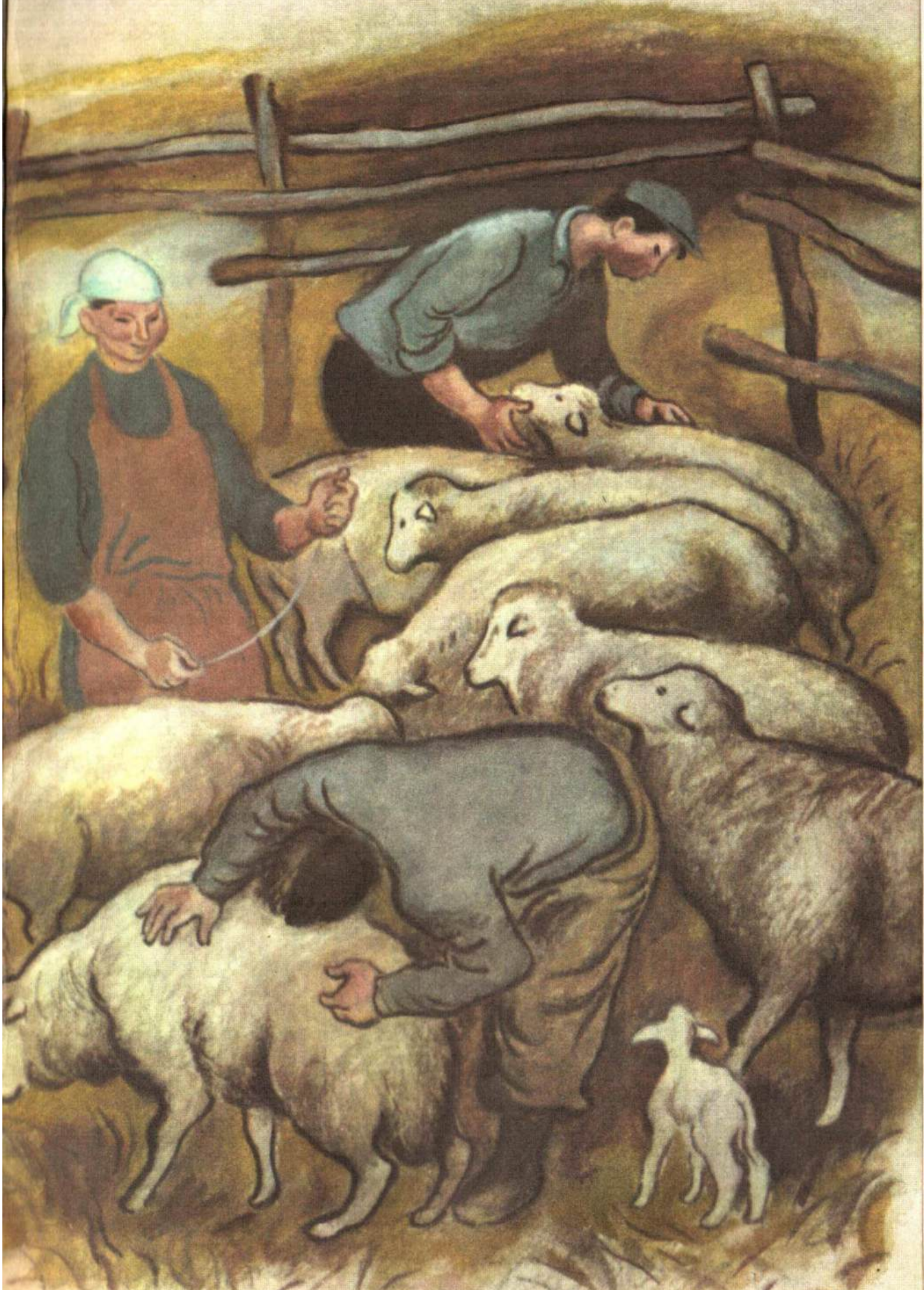
Куда бы дороги
Меня ни вели,
Сюда возвращался,
К началу Земли.

НА БЕРЕГУ ШУЛУТАЯ

На берегу Шулу́тая
Какое-то оживление.
Смотри: парикмахерская
Открылась для населения!
На берегу Шулу́тая
Парикмахерская,
Но не простая!
Здесь модная стрижка
Не «бокс» и не «полька»,
Клиентов стригут
Всех наголо только.
Прекрасно стригут
И к тому же задаром...
Овец тонкорунных
Колхозной отары.
Пожалуйста, стрисься!
Получится здо́рово!
Овец очень много,
И каждая с норовом!
Горячее время
Рабочая эта пора!
На помощь колхозу
Спешит, как всегда,
детвора.
И каждый за дело
берётся,
Чтоб вовремя выполнить план.
Здесь трудится вместе со всеми
И маленький Амгала́н.
Он ходит
немножечко важный,
Своей работой
гордясь.
В руках у мальчика склянка,

А в склянке
пахучая мазь.

Бывает,
упрямо брыкаясь,
Порежется глупый баран —
Сейчас же намажет на ранку
Целебную мазь

Амгалан.

На берегу Шулутая
Воздух от пыли серый,
Гонят овец колхозники
И школьники-пионеры.
Овцы — добро колхозное,
Их столько, что трудно и счесть.
Тяжёлым густым потоком
Струится

овечья шерсть...

Потом эту шерсть

взвесят,

Рассортируют тут
И в города

на фабрики

В больших тюках увезут.
Из шерсти получится

пряжа,

Красная и голубая...

А может, костюм твой соткан
Из шерсти овец

Шулутая?

СКАЧКИ

Нетерпеливо топчутся
Степные скакуны:
Сорваться с места хочется,
Но нет, стоять должны.

На жеребце чубаром
Найда́н сидит в седле,
Наездником недаром
Найда́н слывёт в селе.

Сигнал!
Рванулись, ринулись
Степные скакуны,

Плотнее люди сдвинулись,
Глядят, оживлены.

Как ветер мчатся кони,
И пыль столбом летит.
Но кто же всех обгонит,
На скачках победит?

Быстрее, быстрее, чубарый,
А ну наддай, наддай!
Всех, молодых и старых,
Опередил Найдан.

Вот приз ему вручают:
«Побед тебе, побед!» —
И на руках качают.
Найдану восемь лет.

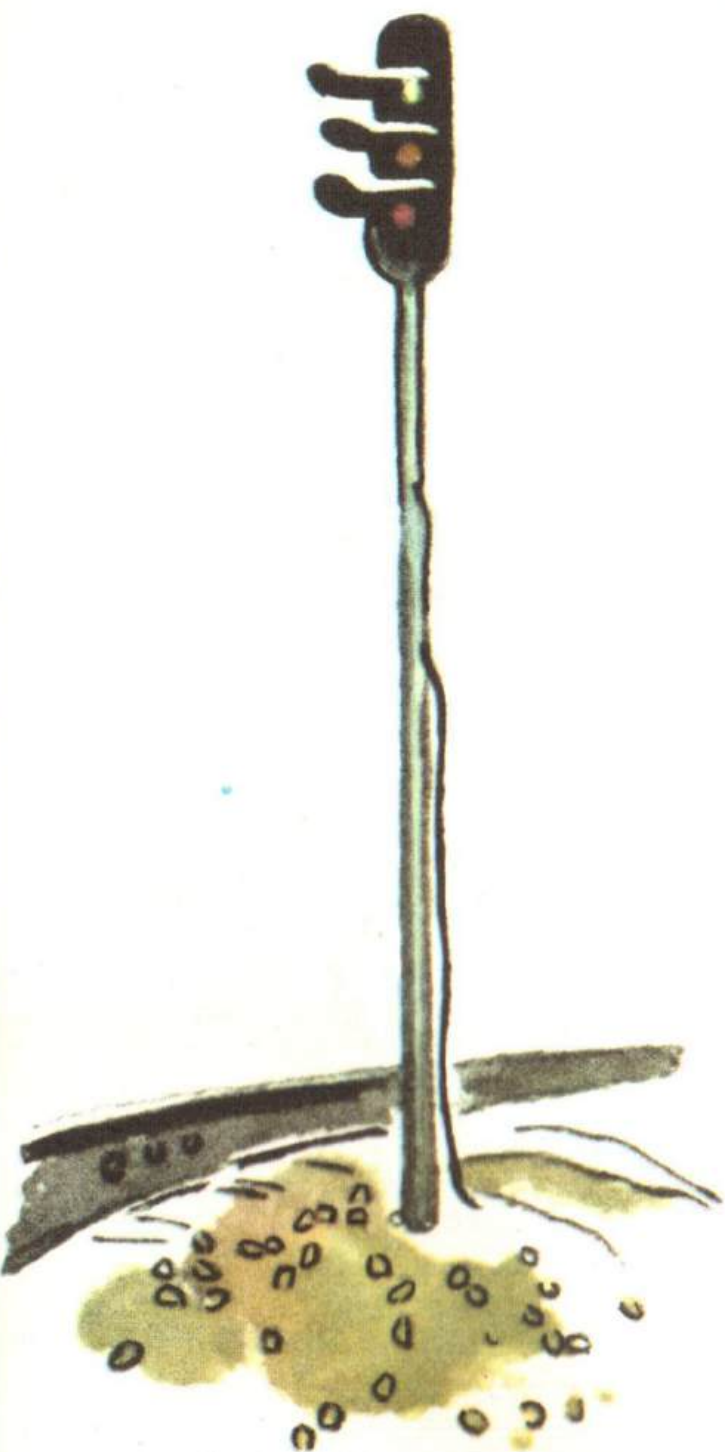

МАЛЕНЬКИЙ ТАБУНЩИК

Степь колышется,
Как море.
Облака над ней.
И вольготно на просторе
Табуну коней.
Степь лежит
Как на ладони,
Волнами ковыль.
Скачут кони,
Скачут кони,
Поднимая пыль.
Удила звенят,
Как струны.

Натянул их так
Пионер,
Табунщик юный,
Маленький Намдак.
Конь горячий у Намдака.
Хоть табунщик юн,
Но отец ему, однако,
Поручил табун.
Пожелав сынку успеха,
Он вскочил в седло
И на целый день уехал
По делам
В село.
В степь отец вернётся поздно.
Без него не раз
Пионер
Табун колхозный,
Словно взрослый,
Пас.
Ветерок свистел игриво,
Пыль клубил у ног.
С белой гривой
Шаловливый
Бегал стригунок.
Кони, кони...
А за ними,
Из-за табуна
Насыпь с рельсами стальными
Издали видна.
Посмотрел Намдак тревожно:
Жеребёнок тот
Вдоль по железнодорожной
Насыпи
Идёт.
Встрепенулось сердце птиц,
Мальчик вспомнил вдруг:

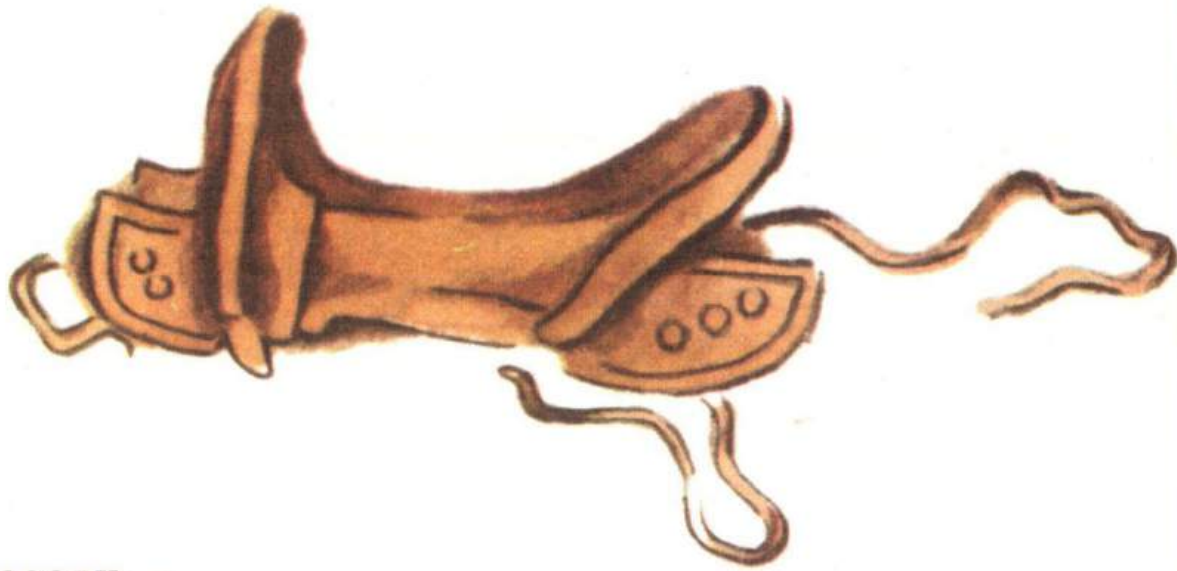

Скоро поезд там промчится
С севера на юг.
Не сдержать ничем его там...
Гиканьем гоня,
Пионер пустил намётом
Своего коня.
Конь летел,
Как в бой,
Как в сечу,
Тело распластав,
А уже ему навстречу
Тарахтел состав.
Рельсы пели звонко-звонко,
Мчался паровоз...
Он задавит жеребёнка,
Сбросит под откос.
Жеребёнок, глупый,
Шалый,
Был настолько мал,
Что шагал вперёд по шпалам
И не понимал,
Что железная дорога
За неверный шаг
Всех наказывает строго —
Глупых и зевак.
Но он знал,
Как знают кони,
Он не знать не мог,
Что, почуяв звук погони,
Надо — наутёк.
Но... помчался к паровозу.
Тут-то наконец
С председателем колхоза
Прискакал отец.
Смотрит,
Мчится по дороге

Вскачь
Вдоль полотна
Жеребёнок тонконогий...
Жалко скакуна!
Не сойдёт с дороги ровной,
Не возьмёт правей.
Жаль породы чистокровной,
Да каких кровей!
Но, приблизясь к жеребёнку,
В стремях встает
И аркан ему вдогонку
Шлёт Намдак вперёд.
Стригунок
От дикой скачки
Был разгорячён,
Петлю, будучи в горячке,
Не заметил он.
Захлестнула шею туго
Мёртвая петля,
И пошла вращаться кругом
Перед ним
Земля.
В этот миг
Промчался мимо
Быстрый паровоз,
Оставляя вместе с дымом
Пыль из-под колёс.
И когда прошла угроза
(Мол, каков юнец!),
Председателю колхоза
Подмигнул отец.
Жеребёнка-непоседу
Вёл Намдак в табун.
Старики вели беседу,
Как табунщик юн.

СЕДЛО

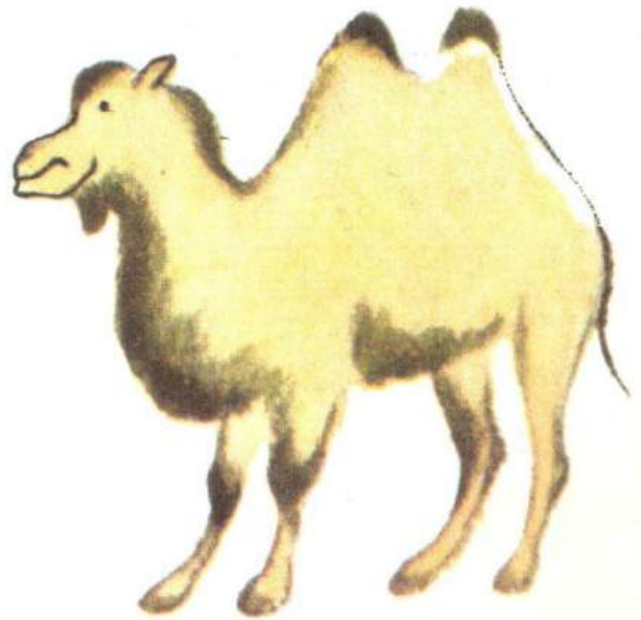
Сзади, спереди —
 лука́
Для удобства седока.
Подтянул седло потуже —
И садись на рысака.

Но в седле,
Заметим тут,
Не нуждается верблюд.

Крикнешь:
— Хок! —
И на колени
Опускается верблюд.

Два горба —
Как две луки́.
Были б только
Седоки!

А сиденье —
Хоть куда!
Полезай смелей сюда.
Для чего
 седлать верблюда,
Коль седло
 при нём всегда!

ПУТНИК

В телегу

с помощью отца

Запряг я мигом

жеребца.

Встряхнул гнедой короткой гривой

И затрусил

рысцой ленивой.

В степи —

У деревца кривого —

Мы повстречали

Верхового.

Наездник придержал коня,

Приветственное молвил слово,

Но, покосившись на меня,

Окинул взглядом он гнедого.

А после этого

с отцом

Он перекинулся

словцом,

Хлестнул коня —

И был таков.

Спросил отец

под стук подков:

— Ответь-ка мне:

У верхового

Была ли родинка и где? —

И он,

Хлестнув кнутом гнедого,

Усмешку спрятал в бороде.

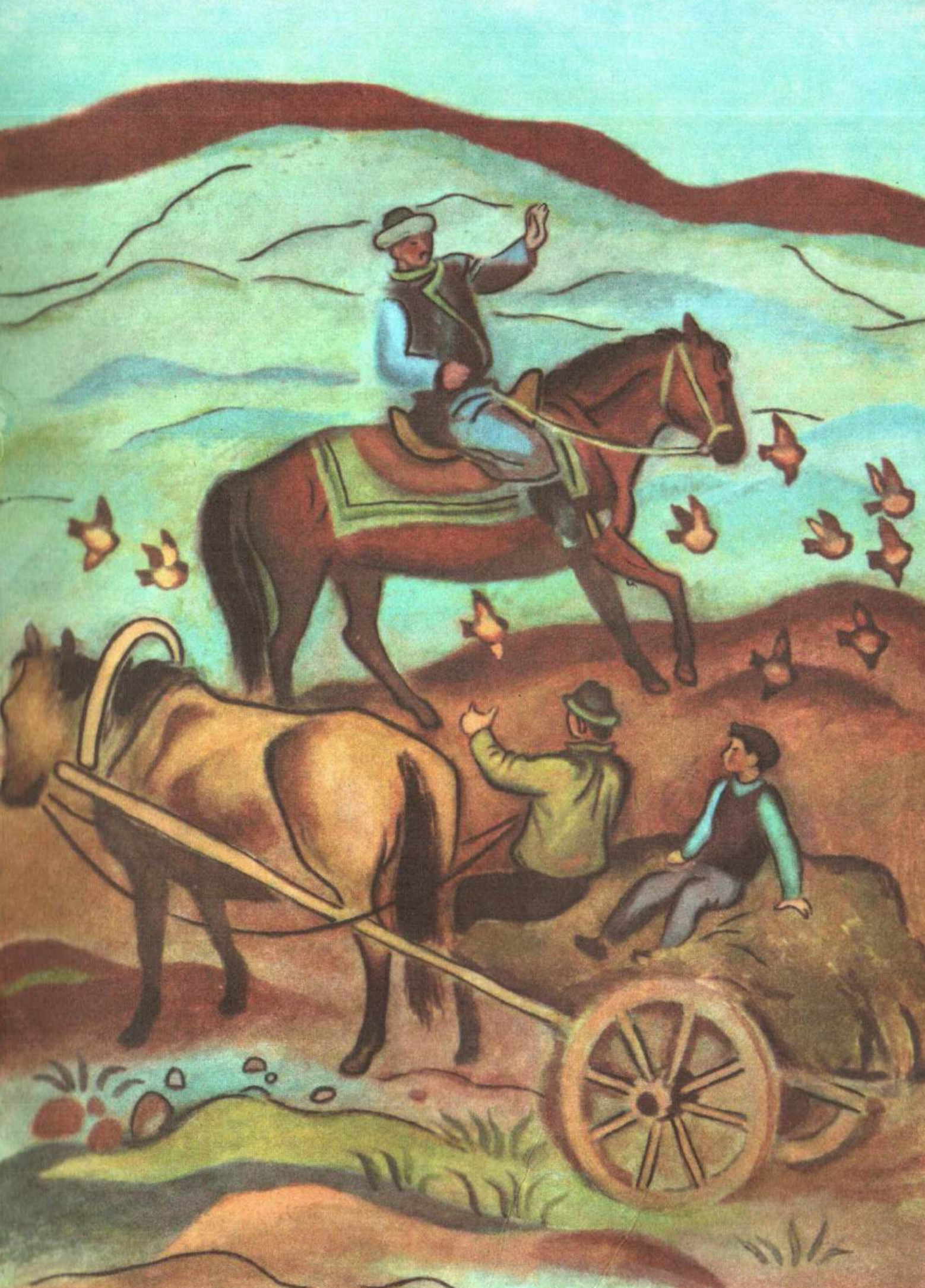
Я почесал в смущенье нос:

К чему

столь каверзный вопрос?

Нет, родинки

У верхового
Не видел я,
Даю вам слово!
На лбу иль на носу растёт?..
Гадай,

 когда умчался тот!
В глазах хитринка —
 у отца,
Допрос ведёт он терпеливо:
— Скажи-ка мне, сынок,
 а грива

Подрезана у жеребца?

— Подрезана! —

Кричу победно я.

Отец довольно хмыкнул:

— Верно!

А стремяна какие?

 Медные?

Ты их-то разглядел, наверно? —

Но тут я сник:

 поди смекни!

(К чему вопросы бесполезные?) —

Конечно, медные они!

А может, всё-таки

 железные?

Опять сощурил он слегка

Глаза смешливо-узкие:

— Скажи,

 седло у седока

бурятское иль русское? —

Всю память я свою напруг,

А вспомнить не могу

 никак.

— Подкован ли его рысак? —

Пытал меня он

 деловито. —

Какие у него копыта? —

И снова я

Попал впросак.

Копыта были —

это точно!

А вот подковы...

Как же так?

Не вспомнить

этакий пустяк!..

Отец лишь крякнул.

И опять

Давай про всадника пытаться
(Охоч до каверзных бесед!):

— А кнут —

плетёный или нет? —

Но я

не раскрываю рта:

Не разглядел я

и кнута.

Молчу,

Краснея виновато.

Но тут уж

осерчал отец:

— Не разглядел!

А голова-то

На месте у тебя,

слепец? —

И всё он

перечислил мне,

Что зорким глазом степняка

Приметить смог издалека:

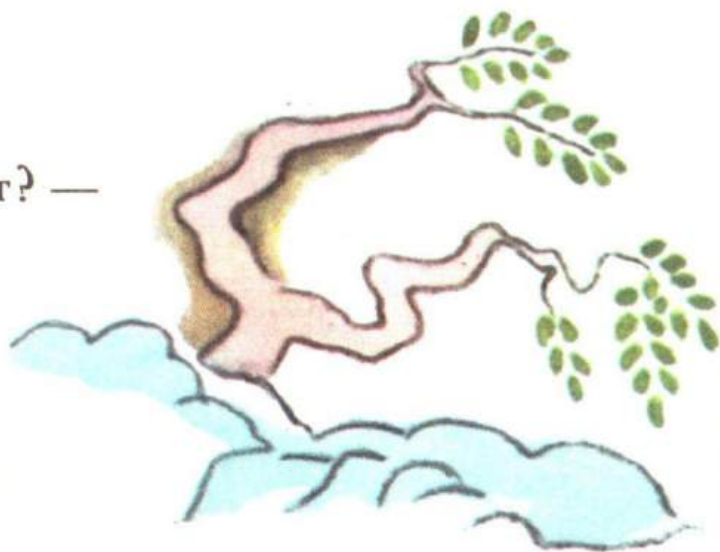
Всё —

от седла на скакуне

До родинки у седока.

И кончил так: —

Вот то-то, брат!

Таков уж наш степняк-бурят,
Он славен

памятью могучей.

Зачем она?

На всякий случай!

Приметливый он человек,

Наш соплеменник осторожный:

Он

каждый кустик придорожный
Удержит в памяти

навек.

Приметил место ты, сынок,

Где повстречался нам седок?

Берёзка там стоит кривая,

Как будто вежа путевая.

Допустим,

налетела вьюга,

С пути ты сбился своего.

Другим знакома

вся округа,

А ты

не помнишь ничего, —

Тебе придётся

ох как туго! —

Пока мы толковали так,

Другой седок

Настиг нас сзади.

Летит,

Вздымая пыль,

Рысак.

Гляжу

в лицо чужого дяди.

Запомнил всё:

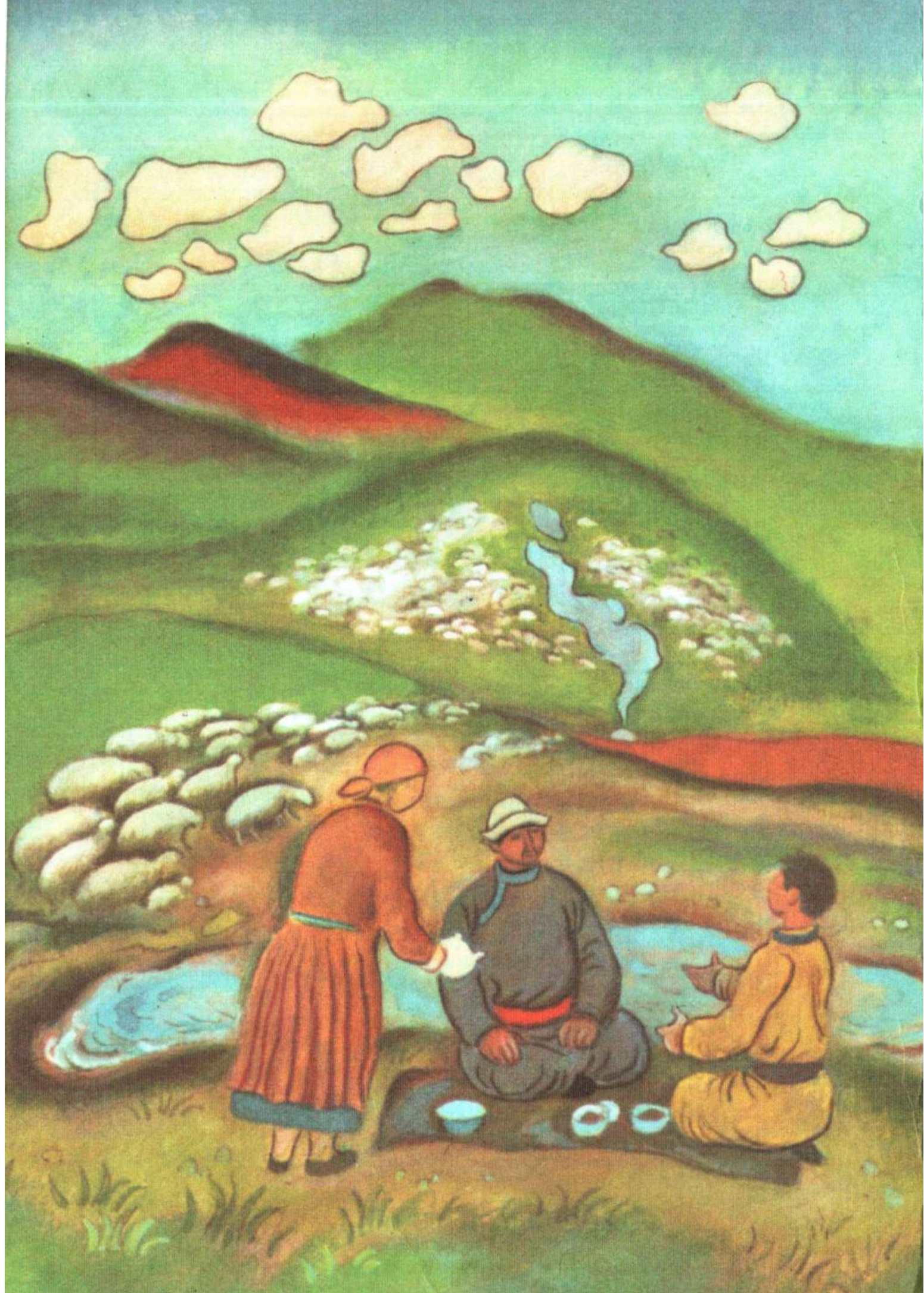
Седло,

подковы,

Крутые скулы седоковы.

И даже прыщик на носу
Я разглядел
 у верхового.
Сейчас
 подробно и толково
Я всё
 отцу преподнесу.
Я ждал,
Что спросит он меня
Про всадника и про коня.
Уже чуть видно
 верхового,
Уже наездник
 канул вдаль.
Я молча жду.
Отец — ни слова.
Не стал расспрашивать.
А жаль!

КАК МОРЕ

Гость восторгался, удивлённый:
Ещё вчера вон та гора
Как изумруд была зелёной,
Теперь белее серебра!

— А это очень даже просто,
Как бы в шерсти она, гора:
Отара там, — сказал я гостю, —
Пасётся с самого утра.
Чабан Доржй туда явился.

Тут гость и вовсе удивился.
А вся гора — как будто море
Шумит, волнуется, кипит
Над нею,
В голубом просторе
Не чайка белая летит,
А лёгкий жаворонок тает,
Повис в зените — не достать,
Поёт себе,
Овец считает,
Никак не может сосчитать...

ХАРАГШАН

Дорога. Степь. Река. Туман.
Вдаль облака плывут...
Корову с кличкой Харагшан
На выставку ведут.

Гладки у Харагшан бока!
Корова эта
В год
Одна не меньше молока,
Чем пять коров, даёт!
А вот доярка Норжомá,
Её первейший друг.
Она готовила корма
Не покладая рук;
Она ночами не спала,
Чтоб Харагшан рекорд взяла...
Ещё недавно Харагшан
Была совсем не хороша:
Грязна, и рёбра все подряд
Торчали у неё торчком...
А нынче целый детский сад
Она напоит молочком!
И мы за это Харагшан
На выставку везём.

На площадь подан грузовик.
И задний борт откинут вмиг...
Неторопливо по доске
Шагает вверх корова, —
Мол, ездить нам в грузовике,
Друзья, совсем не ново!
Уже мы ездили не раз,
И не волнуйтесь вы за нас.
Раздула мощные бока,
Рогами покрутила,
Хвостом махнула нам:

«Пока!» —

И в город укатила...

ВЕЧЕРОМ

Темнеет.

Закончилась дойка.

Над речкой

тропинки пылят:

Ребята погнали

на ферму

Колхозных коров и телят.

Тяжёлое вымя коровье —

Живой

многогорлый кувшин,

Плывёт он,

Слегка колыхаясь,

Над лугом зелёным большим.

Аукает,

Ищет Пеструшку

Босой мальчуган Эрдэни...

Глядит:

Развалилась лентяйка

В ложбинке,

в вечерней тени,

Жуёт себе жвачку

спокойно...

Замёрзли ребячьи ступни.

И, словно сочувствуя другу —

Прохладен вечерний лужок! —

Вздыхнула и встала Пеструшка:

«А ну-ка погрейся, дружок!»

Земля —

Належала местечко! —

Под нею прогрелась,

как печка.

Иззябшими прыгнул ногами
Он в это живое

тепло —

И сразу к ребячьему сердцу
Отрадно оно потекло...
Сейчас он домой возвратится,
Присолит горбушку слегка,
И мама ему из кувшина
Парного нальёт молока.
Призывно уже и Пеструшка
Мычит:

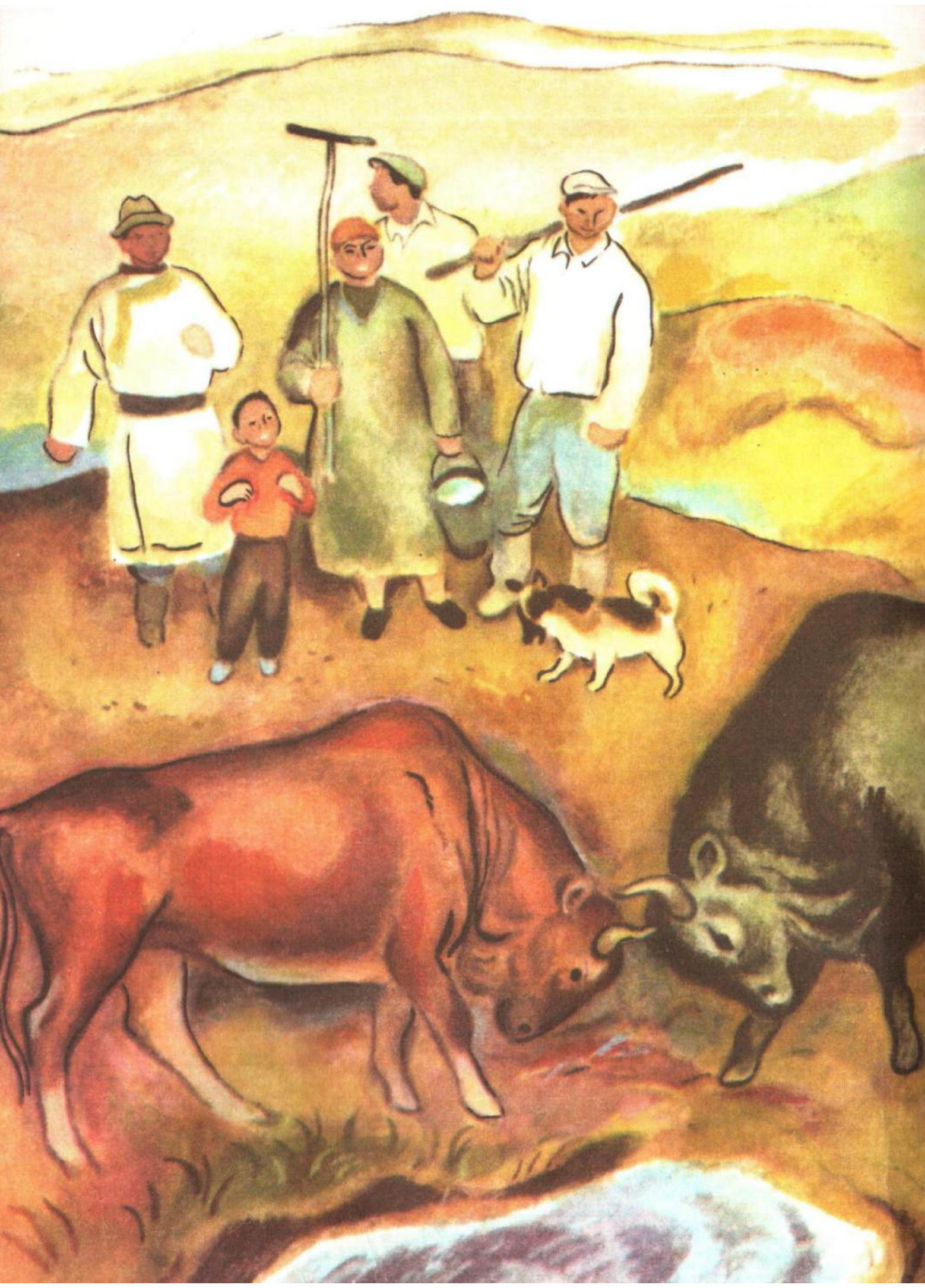
Мол, давай-ка, гони:

И вправду как будто

на печке

Разнежился ты, Эрдэни!
Внимает он этому зову
И гонит корову в село...
А всё же спасибо, Пеструшка!
Спасибо тебе
за тепло!

БОДЛИВЫЕ БЫКИ

Как-то раз у водопоя
Повстречались два быка,
Злым копытом землю роя,
Встали, выпятив бока.

И упрямы и огромны
Два соседа — два врага,
Друг на друга смотрят злобно,
Наклонив к земле рога.

Отступили, лбы наморщив,
На виду у всех коров.
Задрожали даже рощи,
Услыхав их дикий рёв.

В драке как кому придётся.
Для разбега пятась, бык
Оказался у колодца
И внезапно в воду — брык!

Поглядел другой сердито:
Что за шутки — враг исчез!
Грохнул раз-другой копытом
И побрёл понуро в лес.

В это время проезжала
Мимо скотница Долсón,
Испугалась, закричала:
— Бык в колодце!
Тонет он!

Удивясь такому чуду,
Люди, бросив дело, дом,
Заспешили отовсюду —
Кто с багром, а кто с ведром.

Крепко бык застрял в колодце,
Только шея над водой,
А вокруг народ смеётся:
Как же быть с такой бедой?

Вот уж задал работёнку —
То ли горе, то ли смех, —
Подкатали пятитонку,
Потихоньку тянут вверх.

Вот стоит драчун на суше
И от холода дрожит,
А с его огромной туши
В три ручья вода бежит.

Заревел он грозным рёвом:
«Не спущу обиды, нет!» —
И тотчас пустился снова
За своим соседом вслед.

ПОТЕШНЫЕ ЯГНЯТА

Хоть все они ровесники
И масть у них одна,
Они такие разные,
Как солнце и луна.

У этого, бодучего,
В помине нет рогов,
А он на всех бросается,
Как будто на врагов.

Другой с рогами крепкими,
А не из забияк,
Бойтся даже коршунов,
Не только что собак!

Вон тот к кормушкам бегают
По десять раз на дню.
Обжора он, хоть я его
За это не виню.

А эти двое — верные,
Прекрасные друзья,
И ничего обидного
Сказать о них нельзя.

Один из них набегался,
Простыл в степи и слёг.
Три дня, бедняжка, маялся,
Ни пить, ни есть не мог.

Другой из солидарности
Три дня не ел, не пил,
От друга заболевшего
На шаг не отходил.

Ветврач микстуру выписал,
Велел ему давать,
Вдвоём лекарство выпили
И в степь ушли гулять.

Поди ж ты: несмышлёныши,
А в дружбе знают толк.
Таким не только коршуны —
Не страшен даже волк!

ФЕРМА ПЕРЕЕХАЛА

Зима в пути уже, наверно,
Стучат недаром топоры:
Переезжает наша ферма
К подножью Улзутуй-горы.

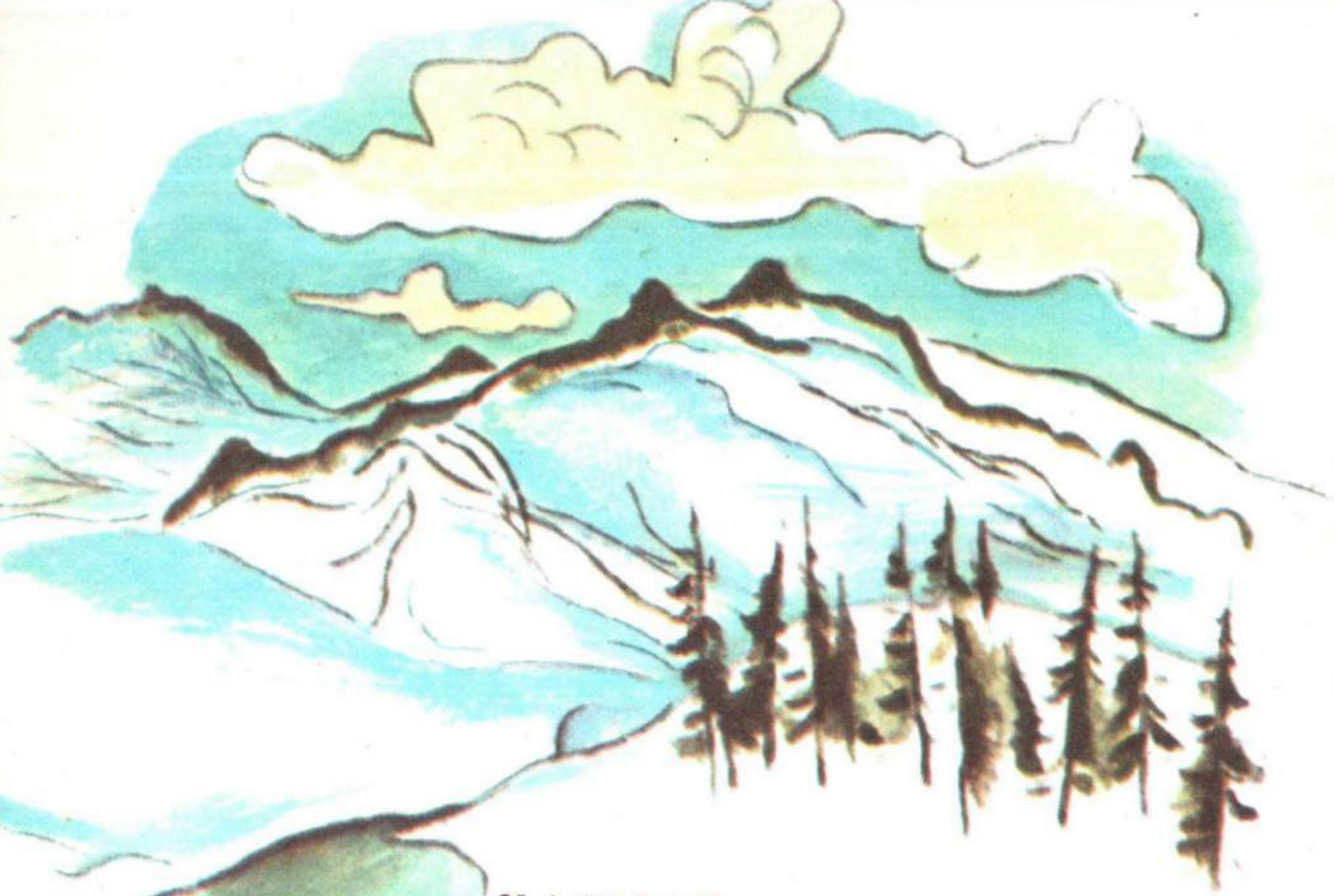
К зиме коровники готовы,
Стоят светлы и высоки.
Мычат довольные коровы,
Ревут лобастые быки.

Снежинки в воздухе летают,
Как мухи белые роясь,
И на коровьих спинах тают,
По каплям скатываясь в грязь.

Уйти никак не хочет осень!
Находит дело тут и там:
Гуляет в росах на покосах,
С лукошком бродит по лесам.

Зима взяла да запуржила,
Сугробов намела кругом:
— Раз тут я шапку положила,
Здесь я хозяйка, тут мой дом!

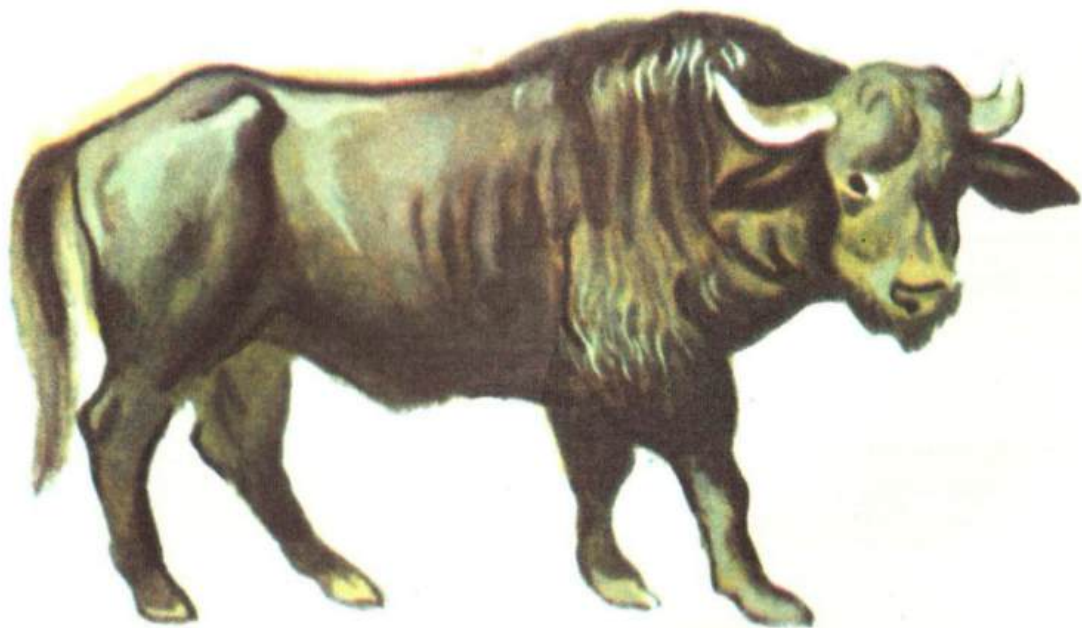
ХАЙНЫК

Хочешь — верь,
А не хочешь — не верь
Тому, что я видел в Саянах.
В Саянских горах
Есть зверь,
Вернее, не зверь,
А животное странное.
Зовут его в горных колхозах

хайны́к:

С конским хвостом он
И гривой кудлатой,
Но это не конь,
Потому что, как бык,
Он крупный, тяжёлый,
Могучий, рогатый.
Поэтому я и не знаю,
Ну как
Вернее его называть?

Отцом его был богатырь
Горный як,
Коровой была его мать.
Да, было чему подивиться,
Приехав в саянский колхоз!
Хайнык ничего не боится.
Пасётся хайнык
Даже в самый свирепый
Мороз.
По скалам крутым
И по снежному насту
Он бродит
И корм добывает легко.
Колхозникам дарит
Он вкусное мясо,
Густое, как масло,
Даёт молоко.
Да, хочешь — так верь,
А не хочешь — не верь
Рассказу о горном чуде...
А знаешь,
 зовут хайныка теперь
Саянским сокровищем
 люди!

МАЛЬЧИК

По улице маленький мальчик идёт,
Игрушку несёт за собой —

самолёт,
Игрушкой нарядной о камни звеня,
«Садись! Полетим...» —

окликает меня.
Я встретился с ним,

загорелым, босым,
И он показался мне очень смешным.
Пускай для него

это только игра,
Но вырастет мальчик —

настанет пора
Ему над простором

родимой земли
Расправить орлиные крылья свои.
И может —

кто знает, —
мы встретимся с ним,

Он снова мне скажет:
«Садись! Полетим...» —

Когда на Луну
в межпланетный полёт

Машину
уверенно
он поведёт.

ТАГАР

В шубе овечьей,
В заячьей шапке
Гонит отару
Мальчик Тагáр.

Степь. От мороза
Некуда деться.
Вскачь припускает коня,
Чтоб согреться.

Копытцами
Снежные брызги вздымая,
Льдистую корку сугроба
Ломая,
Овцы под снегом
Корм достают,
Травку промёрзшую
Хрустко жуют.

Зимних каникул
Кончится время,
Сядет Тагар
За парту со всеми.
Но долго ещё
Перед взором Тагара
Будет маячить
Баран и отара,
И даже звонок
Напомнит ему,
Как овцы, заблеяв,
Уходят во тьму...

МОНТЁР АНАНДА

Ананда́ — монтёр умелый,
Мастер славный Ананда.
Хоть под шапкой волос белый,
Но ещё он хоть куда!

Важно, чинно, неторопко
Ходит с трубкой.
Любит труд.
Провода, патроны, пробки —
Всё ему подвластно тут.

Да, монтёр он самый лучший,
Старый, опытный монтёр.

Но один забавный случай
Люди помнят до сих пор.

Свет в деревне проводили,
Все склоняли слово «свет»,
Все судили да рядили:
Свет зажжётся или нет?

Мама с папой нарядились,
Было празднично в дому.
Старики в углу молились,
Чтобы бог развеял тьму.

Наконец случилось чудо:
Вспыхнул свет под потолком!
И восторженные люди,
Как на праздник, шли в наш дом.

— Вот так лампа!
Море света! —
Молвил кто-то из мужчин. —
Заменяет лампа эта
Сто свечей и сто лучин.

Из стекла баллончик хрупкий,
В нём светящаяся нить.
Подошёл парнишка с трубкой,
Чтоб от лампы прикурить.

Все смеялись:
«Вот потеха!...»
С трубкой кто пришёл тогда?
Кто же был причиной смеха?
Ну конечно, Ананда!

ЁЛКА

За окном трещит мороз.
Папа ёлку нам принёс.
Только с ней вошёл —
И враз
Стало празднично

у нас.

Взмах вершиною тугой —
И повеяло

пургой,

Даже в кузне вдруг запахло
Хвоей,

зимнею тайгой.

Встала ёлка

В уголок,

Упираясь

В потолок.

Потрудилась

вся семья...

Колются иголки,

Но полным-полно

зверья

На таёжной ёлке.

Заяц,

Перепёлка

Прячутся

От волка.

Вон,

готовый зареветь,

Раскрывает пасть

медведь.

Прыгнет на тебя

вот-вот

И облапит,
 подомнёт.
Хоть зверей
Полно в дому,
Но не страшно
Никому.
Ба́тор —
Он такой трусишка!
Но смеётся
Мой братишка.
Если б ожили
На ёлке
Эти зайцы,
Эти волки,
Эти львы
И перепёлки,
Все мы крикнули бы:
«Ох!»
Вот бы был переполох!

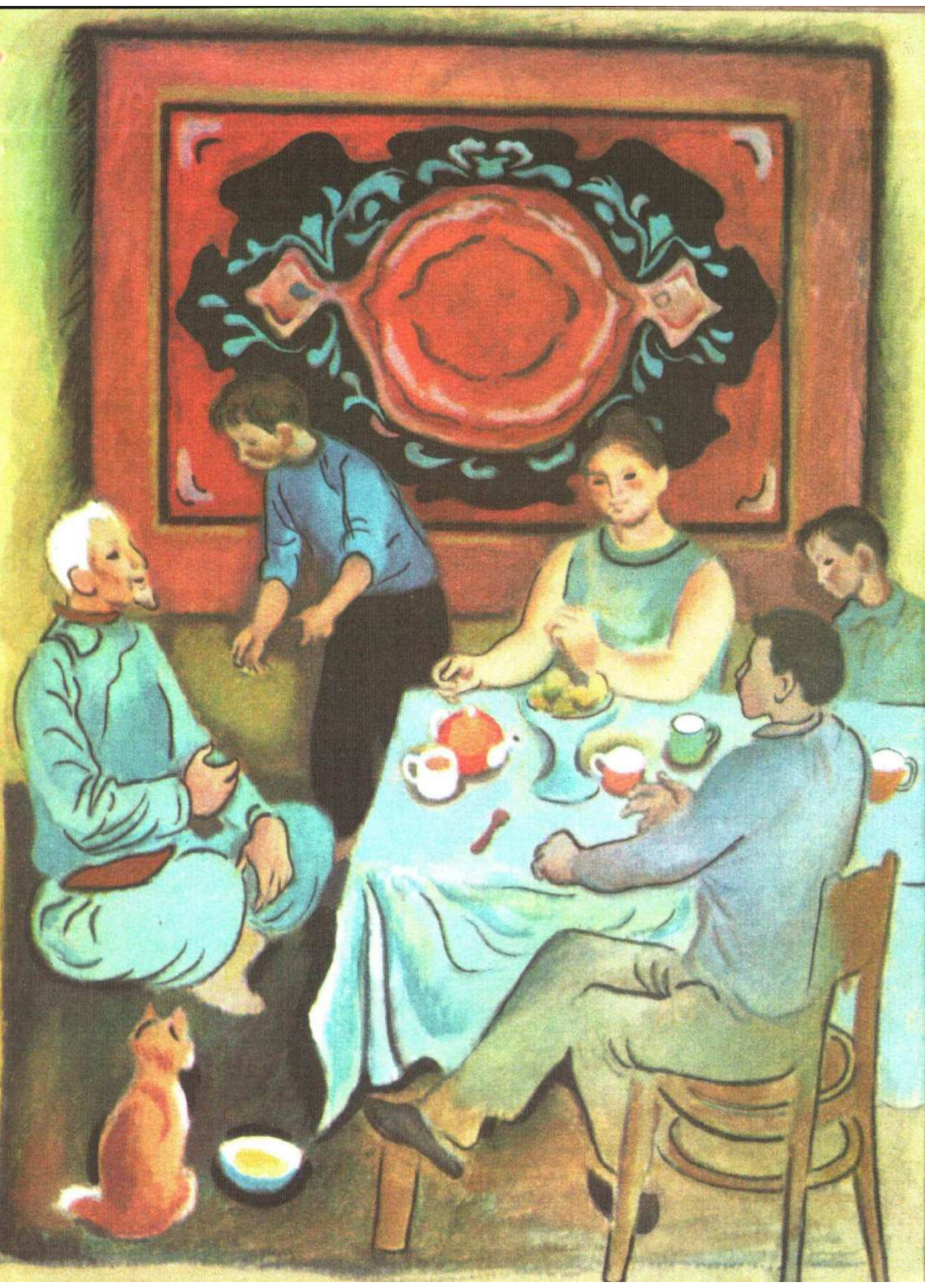
ДЕДУШКА

Помню, дедушка однажды
К нам приехал из села:
— Ну, докладывайте каждый,
Как живёте,
Как дела? —
Как мы учимся
С братишкой,
Нас подробно расспросил,
Подарил он нам две книжки
И два лука подарил.
Сел за стол и, как бывало,
Разговаривал с отцом.
Хоть он прожил лет немало,
Но держался молодцом!

Только под вечер заохал,
Погрустнел; устал старик
И сказал с тяжёлым вздохом:
«Я ведь к стульям не привык!..
Лучше сяду-ка я на пол,
Отдохну хотя часок...»

И пришлось нам с ним и с папой
Сесть калачиком в кружок.
Разболелись ноги страшно,
Так, что просто нету сил!..
Помню я, как в доме нашем
Старый дедушка гостил:

Я три дня потом не мог
Разогнуть, ребята, ног!

ЗДРАВСТВУЙТЕ!

— Здравствуйте! —
Встретит вас русский,
как брат,
Добрými вас он приветит словами.
— Мэндэ-ээ! —
Улыбнётся бурят,
Сняв меховой малахай
перед вами.

— Как поживаете?
Хау ду ю ду? —
Спросит учтиво у вас англичанин.
Скажут:
— Чест пра́ци!
Слава труду! —
Чешский рабочий
и чешский крестьянин.

— На́мастэ!
Я преклоняюсь! —
Индус
Скажет,
приехав в Советский Союз.
Явится немец
в улус иль аймак,

Он поприветствует вас:
— Гутен та́г! —
Что же друг другу
Желают народы?
Дружбы и мира,
Добра и свободы!
Может быть, главное —
Деньги в кармане?

Доллары,
 франки,
 рубли
 про запас?

Кто-то в Америкѣ спросит:

— Мейк мáni?

Делаешь деньги? —

Приветствуя вас.

Два деловитых,

Коротких словца —

Вот он,

Привет бизнесмена-дельца!

Кто их придумал!

Не парни рабочие,

А богатеи,

 до денег охочие.

А у рабочего люда

 в почёте

Жадность не к деньгам,

А жадность

 к работе.

— Чест праці! —

Возглас рабочего-чеха.

— Намастэ! —

Рядом звучит,

 словно эхо.

— Мэндэ-ээ! —

Улыбается бурят.

Слышит в ответ он:

— Бонжур, камара́д! —

Люди друг к другу

С приветом идут:

— Гутен таг!

— Буэнос дйэс!

— Салют! —

Встретились руки рабочих,

Собратьев,
Крепче нет в мире
рукопожатий.

— Мейк мани! —
Делает деньги банкир.
Мы же хотим,
Чтобы слово привета
Было у каждого
В сердце согрето, —
Так,
чтоб звучало в нём:

Дружба и мир!
Пусть англичанин,
Индус и якут
Руки друг другу,
Как братья,
пожмут.

Пусть отзывается эхом
везде:

— Здравствуйте!
— Намастэ!
— Мэндэ-ээ!

ДАЛАЙ

Спуску никому
Не даст
Озорник Далай.
И на выдумку
Горазд
Озорник Далай.
Встав на санки
В полный рост,
Он телка поймал
За хвост.

Гаркнув:
— Хэш-шу-но!
Давай! —
Крутит хвост ему
Далай.
В ужасе
 взбрыкнул телок,
Санки с рёвом
 поволок.
Даже взрослый бык —
 и тот
Здесь, пожалуй,
 заревёт.
Больно бедному телёнку:
Оторвётся хвост
 вот-вот...
Ржет,
 ликуя, —
Вот забава! —
Вся мальчишечья
Орава.
А телячий хвост
 тиран

Отпустить не хочет.
Карапузик Жамсаран —
Даже он хохочет.

Взять да сотворить бы
Чудо,
Всю ватагу
Удивляя:
Чтобы хвост,
Невесть откуда,
Появился
У Далая,
Чтоб,

от страха взвизгнув тонко,
Превратился он в телёнка,
А телёнок

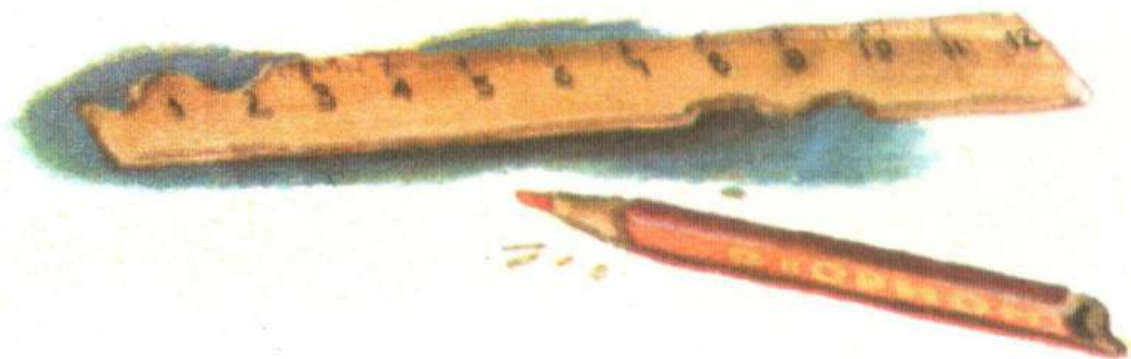
стал мальцом —
Бесшабашным удальцом.

Очень я желаю
Небывалых гонок:
Чтобы хвост
Далаю

Накрутил
телёнок,

А ребята —
Вот потеха! —
Чуть не лопнули б
От смеха.

ЧЕГО НЕ ПОНЯЛА МАМА

Дэмбры́л, товарищ школьный наш
Голодным был, бедняжка:
Он грыз линейку, карандаш
И просто деревяшку.

Однажды на собрание в класс
Пришла его мамаша.
— Ваш сын, — сказала ей тотчас
Учительница наша, —
Всегда голодный, словно волк,
Сидит он на уроке,
Зубами деревяшку — щёлк
И ест за обе щёки!

— Что-что? Никак я не пойму, —
Сказала мать Дэмбрыла, —
Всё отдавала я ему,
Всегда его кормила...

Ребята! Вы удивлены?
Подумайте-ка всё же,
Средь вас такие грызуны
Найдутся, может, тоже.

ЕДИНИЦА

Тяжёлыми колосьями шурша,
Стоят хлеба —

упругие, литые,
И радостью наполнится душа
При взгляде на колосья золотые.
Но что вдали за чёрная черта?
Когда посмотришь

с горки на пшеницу,
Сдаётся, кто-то посреди листа
В тетради жирно вывел единицу.
За что оценка эта
и кому?

И кем она
поставлена в тетрадку?
Хотите разобраться,
что к чему?

Сейчас я расскажу вам
по порядку.

...В разгаре сев.

Горячий выпал май.

Под солнцем разомлев от перегрева,

Наш сеяльщик бригадный —

Шаралдай

На сеялке уснул во время сева.

Возможно, полчаса,

а может, час

Проспал он,

но, пока ему дремалось,

Вот эта, злополучная, как раз

Полоска незасеянной осталась.

И вырос хлеб —

и удивились все:

Так было непонятно и обидно,

Что на довольно длинной полосе

И стебелька единого не видно.

Но бригадир —

он всякое видал

И был сообразительный мужчина —

Загадку эту всё же разгадал

И вскоре сообщил нам,

в чём причина.

Наш Шаралдай —

большой Шалтай-Болтай!

Мы зря ему доверили пшеницу.

Он здесь проспал,

ленивый Шаралдай,

И сам себе поставил единицу.

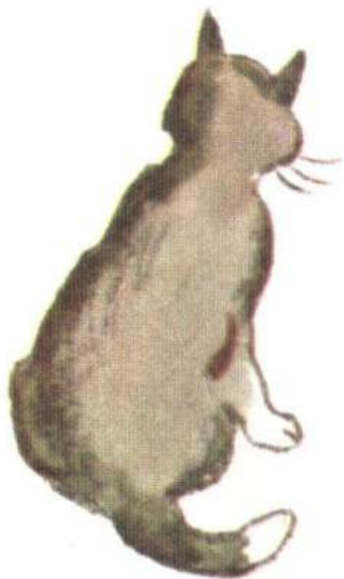
ДУГАРДАН И КОТ

Выспался на славу
Дугардán.

Сразу встать бы,
Приступить к зарядке,
Но такой уж лодырь мальчуган:
Он, зевая, нежится в кроватке.
Но, проснувшись,
Даже кот

и тот

Соскочил немедленно с дивана.
Может статься,
Вместо Дугардана
Занимается зарядкой кот?
Покосился кот на койку,

У постели
Сделал стойку.
Кот встряхнулся,
Выгнул спинку:
Полминутки
На разминку.
Сделал кот прыжка четыре,
Вскинул чёрный хвост трубой,
Пробежался по квартире
По дорожке голубой...
Вновь подпрыгнул:
Раз,

два,

три!..

Мол, смотри,

лентяй,

смотри!

Сделал вид,
Что ловит мышку,
Кинулся за ней
Вприпрыжку.
Раз,

два,

три,

четыре,

пять!..

Стойку сделал он

опять.

Лапкою
Умылся он.
Лишь потом,
Вильнув хвостом,
Устремился, взяв разгон,
Прямо к блюдцу с молоком.
Лодырь
Сунул ноги в башмаки,

Натянул он
курточку лиловую.

Лодырь,
Наступая на шнурки,
Завтракать отправился

в столовую.

Даже не плеснув в лицо водички
(Умываться?)

Но и так сойдёт),
Сразу влез за стол он
по привычке
И зубами впился в бутерброд.

Про кота —
Скрывать не стану! —
Рассказал я
Неспроста:
Взять пример бы
Дугардану
С физкультурника-кота!

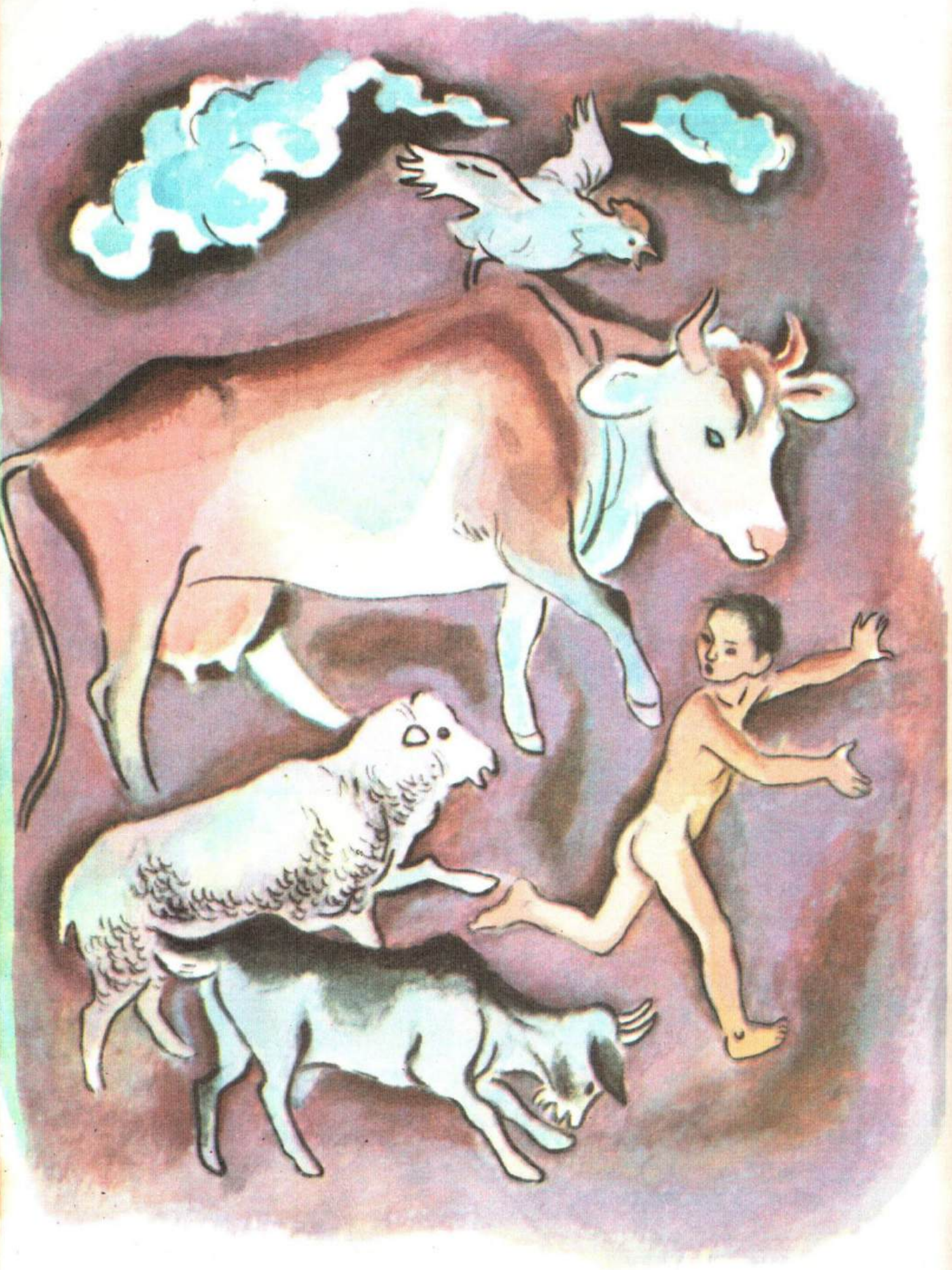
**ПУСТЬ ТАКОЕ С ТОБОЙ
НЕ СЛУЧИТСЯ**

По хозяйству помогать
Не любил Дондо́к.
Но зато любил айрак,
Сливки и творог.
И приснился раз ему
Аппетитный сон:
Будто сливки через край
Пьёт из бочки он,
Будто масло ложкой ест,
А совком — творог.

Вдруг корова входит в дом:
«Где лентяй Дондок?
Это ты меня морил
Голодом все дни?
Молоко моё отдай
И айрак верни!»

Только масло отняла,
Забрала творог,
Как является овца
На его порог:
«Ты корову заморил,
Нашу Уладай.
Заморил ты и меня,
Шерсть мою отдай!»

Наш Дондок уже с трудом
Переводит дух.
Но коза вбегает в дом:
«Отдавай мой пух!»
Посмотрела на него,
Рогом повела,
И Дондок остался
В чём
Мама родила.

В степь он бросился бежать,
А в степи мороз.
А за ним бежит верблюд,
Как свирепый пёс.
Конь подковами о лёд
Рядом простучал...

Тут проснулся наш Дондок.
— Мама! — закричал.

Вспомнил он козу, овцу,
Вспомнил свой должок...

Ты не будешь, как Дондок,
Правда ведь, дружок?

МЫЧИТ ИЛИ БЛЕЕТ ОВЦА?

Как-то раз
Из города большого
К нам в улус
Приехал мальчик Вова.
Накормив внучонка
До отвала,
Бабушка допытываться
Стала:

— Курица кудахчет.

А овца? —

Сквозь очки
Взглянула на юнца.

— А овца мычит! — ответил Вова.

— Ну, а конь? —

пытает бабка снова.

— Кукарекает! —

нашёлся Вова.

Бабушка вздохнула:

— А корова?

— Хрюкает! —

серьёзно молвил Вова.

— А верблюды? —

Вопрос звучит сурово.

— Блеет! —

чуть-чуть помедлил Вова.

Рассердиться бабушка готова:

— А козёл?

— Рычит! —

воскликнул Вова.

— А петух? —

И, глядя бабке в рот,
Внучек твёрдо отвечает:
— Ржёт!

Бабушка рукой махнула:
— Стоп! —

Сдвинула очки она
на лоб: —

Что же с маслом делают?
— Едят! —

поднял мальчуган

невинный взгляд.

— А с тара́ком?¹

— Ну конечно, пьют! —

¹ Тара́к — молочное блюдо.

Не смутился мальчуган и тут.
(Уж поел, попил-то он
со вкусом!)

А старушка
Заключила так:
— Вот по этой части ты
мастак!

Есть да пить —
хоть ставь пятёрку с плюсом!
А насчёт скотины...
уморил!

Стыдно за тебя
Перед улусом! —
Но невольно
Улыбнулась тут:
Больно уж серьёзен
Этот плут.
Усомнилась бабушка
На миг:
— Может, ты смеёшься,
озорник?

БЛИЗНЕЦЫ

Не отличить вам Согто́ от Буды́ —
Похожи они как две капли воды.
Спросите в улусе у всякого —
Два брата совсем одинаковы!

Точно такой же на каждом халат,
С тем же количеством дыр и заплат,
И ростом они одинаковы,
Хоть сзади смотрите, хоть спереди;
Спросите в улусе у всякого,
Коль мне вы, ребята, не верите!

Только Буда наш драчун, озорник...
Согто с колыбели быть скромным привык.
Но вечно за брата, как водится,
Ему отдуваться приходится...

Однажды зимою, в мороз и в метель,
Отнял Буда у девчонки портфель,
Грубо в сугроб он её повалил.
Тут, как на грех, и Согто проходил!
Девочка плачет, в снегу кувывается,
Вместо Буды на Согто обижается...

Помнится, был ещё случай такой.
Как-то под вечер приходит домой
Очень голодный проказник Буда.
Дважды плутишка садился за стол —
Он за себя и за брата уплёл
Бараньих пельменей две дюжины...
После братишка покушать пришёл.
Мама сказала: «Ну просто беда!
Согто, ты ведь только что ужинал!»

...Вырос Буда, и братишка подрос...
Папа обоим под мышкой принёс
Два новых портфельчика кожаных;
В них — два пенала и два букваря
И всё, что для школы положено...

Вот наступил первый день сентября.
Встали два брата ни свет ни заря...
Каждый в парадную форму одет,
Где ни заплатки, ни пятнышка нет!..

В школу с волнением шагают друзья —
И снова никак различить их нельзя!
Глядят, улыбаясь, прохожие:
«Какие мальчишки похожие!»

Сели за парту Согто и Буда —
Шёпот по классу: «Вот это, брат, да!..»
Кто же Буда? А который Согто?
Тут разобраться не сможет никто,
Даже седая учительница...

Голосом схожи, похожи с лица,
И ростом они одинаковы,
Хоть сзади смотрите, хоть спереди,
Хоть метром обоих обмеряйте...
Спросите вы в школе у всякого,
Коль мне вы, ребята, не верите!
Все же различье нашлось наконец:
Буда был лентяй, а Согто — молодец.

ЭРДЭНИ

Мать с отцом с утра до ночи
Пристают к нему: «Здоров?»
Он чихнёт один разочек —
Вызывают докторов.

Лечь в постельку заставляют:
«Ты ведь болен, отдохни!..»
Как цветок, оберегают
От простуды Эрдэни.

Позовут его ребята
В воскресенье на каток —
Мама в ужасе: «Куда ты?!
Там ведь холодно, сынок!..»

И отец твердит со вздохом:
«Ишь, он бледненький какой...»
Эрдэни и правда плохо
От заботы от такой!

В Ленинград его возили
И в Иркутск к профессорам, —
Только время загубили
Понапрасну, видно, там...
Но однажды после школы
Эрдэни сидел, зевал,
Вдруг друзей своих весёлых
Голоса он услышал:

«Эй, тюлень! Встряхнуться надо!..
Потеплей укутай нос!..
Завтра утром всем отрядом
Отправляемся в колхоз!..»

...Целый день работал дружно
С шуткой, с песнями отряд;
День был пасмурный, и вьюжный,
И морозный, говорят.

Эрдэни и горя мало —
Он не прятал рук в карман...
Посмотрите, что с ним стало:
Словно яблоко, румян.

Посвежел, окреп он сразу,
И, поклясться я готов,
Эрдэни с тех пор ни разу
Не бывал у докторов.

Стал таким он молодцом —
Не узнали мать с отцом!

РЕЗВЫЙ КОЗЛЁНОК

Однажды летом
Отец Шагдара
Принёс козлёнка
Домой с базара.

«Держи подарок!» —
Отец смеётся.
Шагдар с козлёнком
Не расстанется.

Так привязался
Сын к Шаргадаю,
Что крепче дружбы
Я и не знаю!

Козлёнок — в поле,
И мальчик тоже,
Без Шаргада
Он жить не может!

Растёт козлёнок,
Растёт и мальчик.
Уже бодаться
Козлёнок начал.

Боднёт он в спину
Девчонку где-то —
Шагдара сразу
Зовут к ответу.

Проходит месяц,
Другой проходит, —
Козлёнок пойман
На огороде.

Ещё неделя
Прошла спокойно, —
В саду приятель
Был снова пойман.

Бельё с верёвки
Сорвали дети —

Шагдар за друга
И здесь в ответе!..
Всё ближе осень,
Желтеют травы...
И вновь — проказы.
И вновь — потравы.

Шагдар учиться
Шагает в школу,
За ним козлёнок
Бежит весёлый...

Кричит учитель:
«Примите меры —
К нам в класс забрался
Проказник серый!..

Ах, уберите
Козла скорее!
Скакать по партам?
Да как он смеет!»

Бежит козлёнок
По коридору —
Коню б лихому
Так мчаться впору...

Летит обратно,
Ребят бодая...
И нет спасенья
От Шаргадая!

С ним никакого
Не стало сладу!..
Пришлось козлёнка
Отправить в стадо.

АБИДА

Наш Абида́ пошёл в отца,
Такой же деловой:
Строгает, пилит без конца
В колхозной мастерской.

А на уроках,
Вот беда,
Он не такой совсем:
Был наш товарищ Абида
Как будто глух и нем.

Бывало, в классе иногда
Возникнет шум и смех,
На задней парте Абида
Молчит один за всех.

Увы, бывало, что порой,
Рассудку вопреки,
Немногословный наш герой
Молчит и у доски.

— Скажи хоть слово, ученик,
Дадим тебе конфет. —
Как будто проглотил язык,
В ответ ни «да», ни «нет».

Был как-то раз урок труда,
Урок столярных дел.
С бруском возился Абида,
На друга поглядел.

— Не так строгаешь ты, — сказал, —
Строгай наискосок. —
И очень ловко показал,
Как выстрогать брусок.

Он стал девчонкам помогать,
Стал их учить пилить, строгать.

Как подменили Абиду:
Он был и глух и нем,
А на уроках по труду
Стал верховодить всем!

Большой талант открылся в нём,
Стал весел Абида.
И то, что был он молчуном,
Забылось навсегда.

ТИХИЙ МАЛЬЧИК

Не лентяй он и не соня,
А поди-ка угадай,
Говорят о нем — тихоня
Этот мальчик Намсарай.

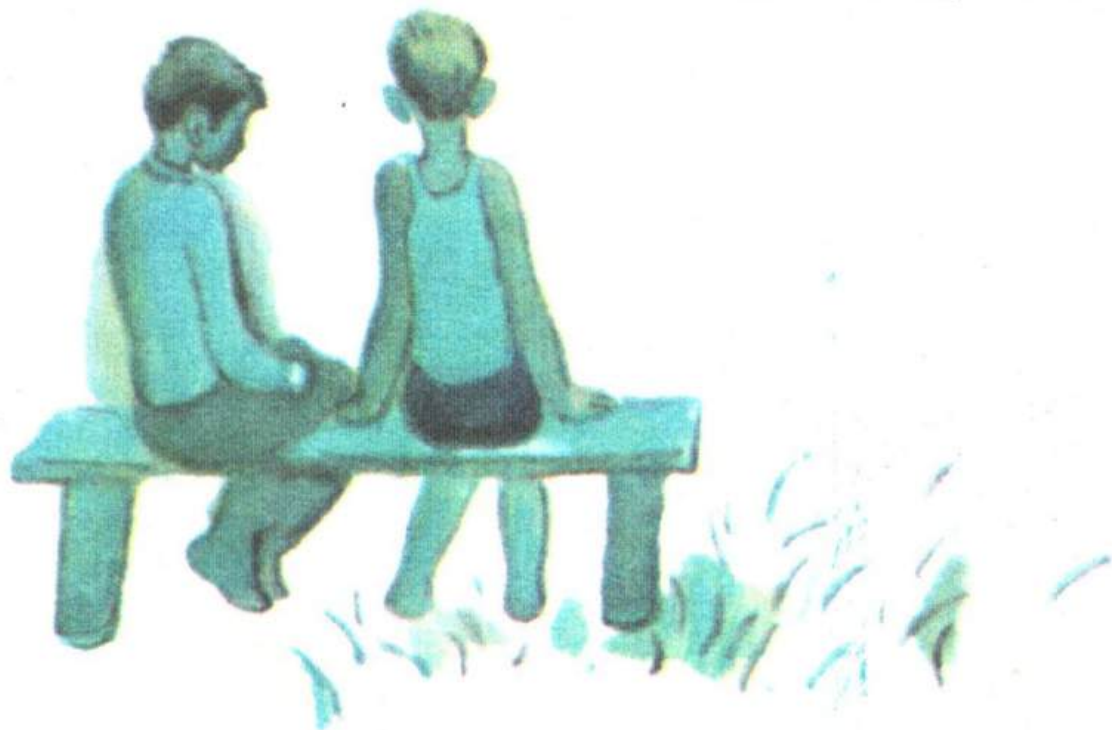

Он позвал меня недавно.
— Поболтаем, — говорит.
Поболтали бы мы славно,
Да приятель всё молчит.

Взглянет на небо — зевает,
Взглянет под ноги — вздохнёт.
Так сидим мы с Намсараем
На скамейке у ворот.

Час прошёл...
Сказал я другу:
— Слушай, я пойду домой! —
Намсарай взглянул с испугом,
Намсарай сказал:
— Постой!

Очень жалко, право слово,
Подожди!
А может, нам
Повидаться завтра снова?
Поболтали б по душам!

Намгач

ПОЭМА

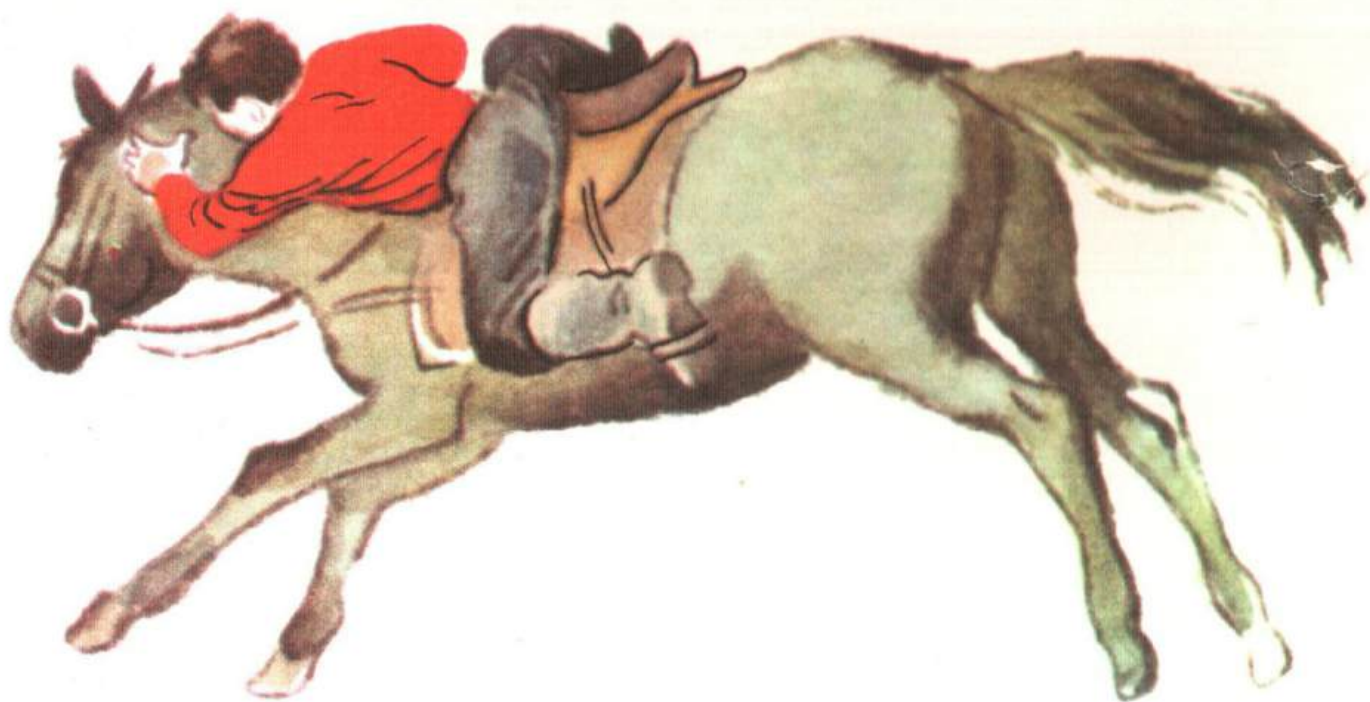

Шла война четвёртый год.
Вести шли из дальней дали.
Даже тех,
Кто не придёт,
Всё равно с надеждой ждали.
Часто жители села
Вспоминали их в беседе.
Вдруг,
Как молния,
Пришла
Весть о счастье —
О Победе.
Слышен был и смех,
И крик,
И весенний звон капли,
И в один и тот же миг
Люди плакали и пели.

Пас в степи табун Намдак.
Видит вдруг у горизонта
Над телегой красный флаг
И солдат,
Прибывших с фронта.
Счастью не было конца!
Отчего так сердце радо?
Среди них же нет отца,
Он погиб под Сталинградом.
Да, судьба была крута...

В дождь,
И в зной,
И на морозе

Сын солдата,
Сирота,
Стал табунщиком в колхозе.
Помощь матери нужна...
Случай с ним он вспомнил снова:
Объезжал он скакуна,
Своенравного гнедого.
Заарканил в табуне
И, седло накинув,
С гиком
Оказался на коне,
Неподвластном,
Страшном,
Диком.
На глазах всего села
Взять хотел коня нахрапом.
Конь,
Грызущий удила,
Оглашал окрестность храпом.
Конь брыкался,
Землю рыл
И пытался сбросить ношу,
Он всем видом говорил:
«Всё равно тебя я сброшу!»
И сорвался наконец
С места
Вскачь,
Как от удара,
В тот загон,
Где для овец
Встала на зиму коша́ра.
На коне Намдак верхом,
Конь летит
И с поворота
Вдруг на всем скаку лихом
Мчится в низкие ворота.

Конь не слушает слова,
И поводья он не слышит.
У мальчишки
Голова
Не пройдёт под низкой крышей.
И тогда,
Скользнувши вниз
Вмиг рассчитанным соскоком,
На ноге Намдак повис
У коня под самым боком.
Говорят, что от судьбы
Не уйти...

Повозился паренёк,
Правда, с ним ещё немало,
Но пошла наука впрок
И гнедого обкатала.
Вспоминая о былом,
О своём безумном беге,
Стал ходить он под седлом,

И в косилке,
И в телеге...
А Намдак, наоборот,
Гордым стал
Не без причины:
Кто коня объездил,
Тот
Настоящим стал мужчиной.
Слабость видел я одну
У мужчины молодого:
Провожая на войну
Приручённого гнедого,
Он слезу смахнул рукой,
Принародно плакать струсив.
Вот мужчина-то какой
Подрастал у нас в улусе...
Кстати, с памятного дня,
Как смирился забияка,
Намдак-Зээрдэ —
Коня
Стали звать конём Намдака.

Конь буряту —
Лучший друг,
Но понять его сумей-ка.
...Рельсы с севера на юг
Протянулись,
Как линейка.
Вдоль стального полотна
И платформы,
И вагоны...
Вот окончилась война,
А бойцы ещё в погонах.
За вагонами с людьми
(Люди все в военной форме)
Шли вагоны с лошадьми,

Пушки, танки
На платформе.
С фронта катятся назад...
Опалённый ветром, солнцем,
Крикнул мальчику солдат:
— Воевать идём с японцем!

Эшелонам нет конца.
Зорко вглядываясь в лица,
Всё искал Намдак отца:
Может, чудо совершится?
Но проходят чередой
Пушки,
Танки,
Люди,
Кони...
Может, и его гнедой
Здесь,
В каком-нибудь вагоне?
Вот бы встретиться с конём!
И исполнилось желание:
Будто вспомнил конь о нём,
Вдруг Намдак услышал ржанье...
Друг его,
Его мечта,
Где-то тут,
В вагоне справа,
Голос подал он
С хвоста
Двинувшегося состава!
Поезд быстро брал разгон,
Поглощая расстоянье.
Вот промчался и вагон,
Увозивший это ржанье.
Под Намдаком конь дрожал,
Приседал,

Как от испуга,
И на весь разъезд заржал,
Вдруг услышав голос друга...
Вспомнил, видимо, гнедой
Степь,
Покрытую туманом,
Где табунщик молодой
Захлестнул его арканом.
Вспомнил, видимо, гнедой
Степь родную ночью лунной,
Где впервые под уздой
Вёл его табунщик юный.
Вспомнил, видимо, гнедой
Сенокос,
Ржаное поле,
Где он, стройный,
Молодой,
В табуне гулял на воле...

Но промчался вдаль
И стих
Эшелон армейской части.
Кони, кони...
Сколько их,
Одинаковых по масти!
Различить Намдак не мог,
Будто все —
Родные братья.
Но мелькнул один конёк,
Выделяющийся статью
Иноходец,
Конь-огонь,
Поглядевший шалым глазом,
И понёс Намдака конь,
Взяв с разгону насыпь разом...

Распластавшись,
Нёс и нёс,
Будто он узнал собрата,
В табуне с которым рос
И в степи гулял когда-то.
Был он встрече с другом рад,
Рвал ремённые поводья,
Никаких не знал преград,
Словно речка в половодье.
Эшелон исчез вдали.
А за ним, заржав тревожно,
С седоком скакал в пыли
Конь по насыпи дорожной...
Но коня Намдак сдержал.
В мыле весь,
Белее снега,
Мелко-мелко конь дрожал
От волнения и бега.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Николаев. О моём друге	4
Мужчина. Перевод В. Мартынова	9

На берегу Шулутая

Степная песенка. Перевод Я. Акима	13
Саган-Шулутай. Перевод Я. Акима	14
На берегу Шулутая. Перевод Г. Чиж	16
Скачки. Перевод Я. Акима	19
Маленький табунщик. Перевод А. Николаева	20
Седло. Перевод В. Семёнова	25
Путник. Перевод В. Семёнова	26
Как море. Перевод Г. Граубина	33
Харагшан. Перевод В. Мартынова	—
Вечером. Перевод В. Семёнова	36
Бодливые быки. Перевод Г. Чиж	39
Потешные ягнята. Перевод Г. Граубина	41
Ферма переехала. Перевод Г. Граубина	43
Хайнык. Перевод Г. Чиж	44
Мальчик. Перевод А. Кафанова	46
Тагар. Перевод Я. Акима	—
Монтёр Ананда. Перевод Г. Граубина	49
Ёлка. Перевод В. Семёнова	52
Дедушка. Перевод В. Мартынова	54
Здравствуйте! Перевод В. Семёнова	56

Пусть такое с тобой не случится

Далай. Перевод В. Семёнова	61
Чего не поняла мама. Перевод А. Николаева	63
Единица. Перевод Ю. Левитанского	64
Дугардан и кот. Перевод В. Семёнова	66
Пусть такое с тобой не случится. Перевод Г. Граубина	69
Мычит или блеет овца? Перевод В. Семёнова	72
Близнецы. Перевод В. Мартынова	75
Эрдэни. Перевод В. Мартынова	77
Резвый козлёнок. Перевод В. Мартынова	79
Абида. Перевод Г. Граубина	82
Тихий мальчик. Перевод Г. Чиж	83
Намдак. Поэма. Перевод А. Николаева	87

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге просим присылать по адресу: 125047, Москва, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Для младшего возраста

Цырен-Базар Бадмаев

ПОТЕШНЫЕ ЯГНЯТА

ИБ № 2633

Ответственный редактор М. Ф. Мусиенко. Художественный редактор О. К. Кондакова. Технический редактор Л. В. Гришина. Корректор Э. Л. Лофенфельд. Сдано в набор 28/XI 1977 г. Подписано к печати 22/V 1978 г. Формат 60×84/16. Бум. офс. № 1. Шрифт академический. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 5,93. Тираж 150 000 экз. Заказ № 62. Цена 65 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Бадмаев Цырен-Базар

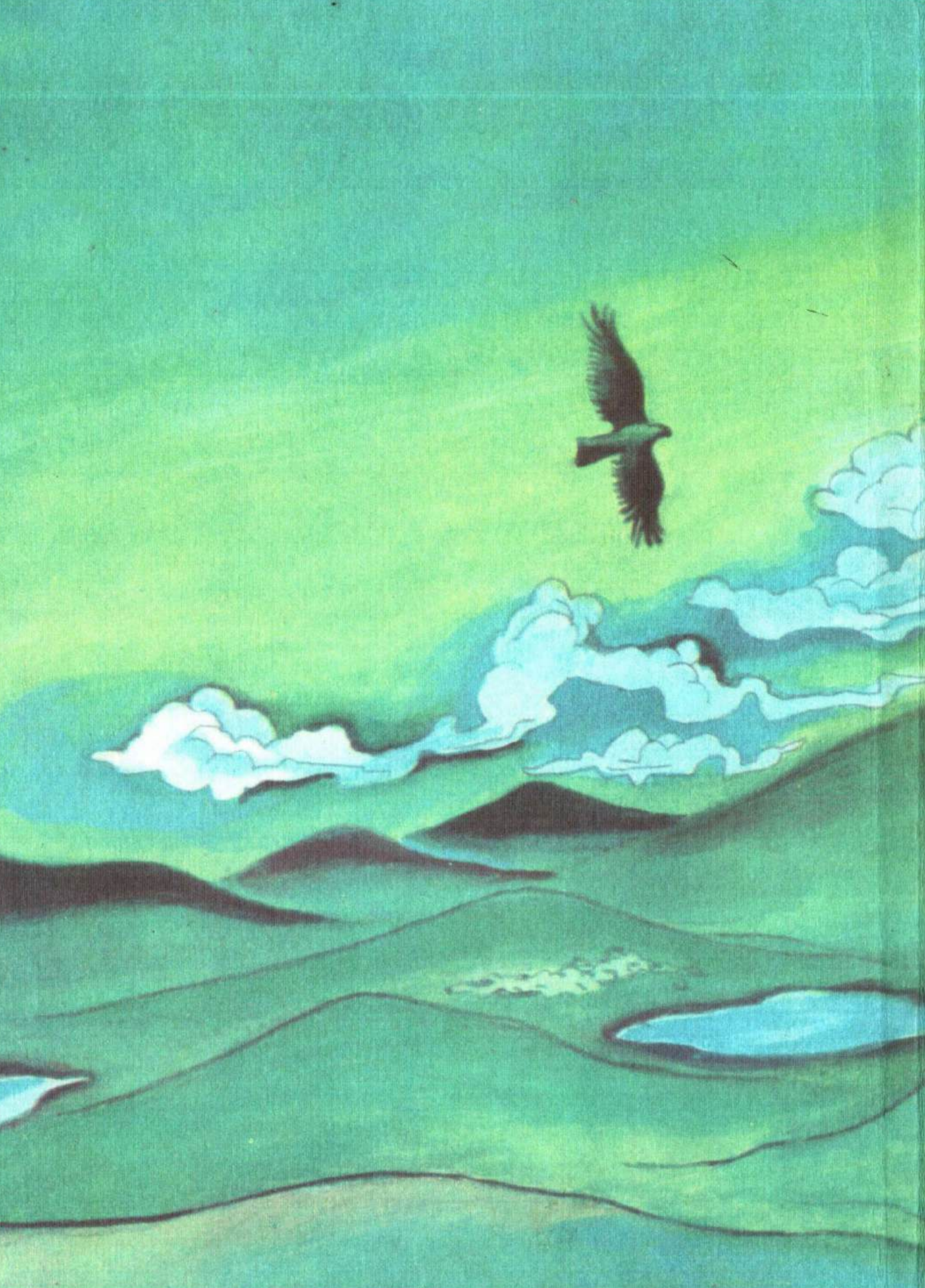
Б15 Потешные ягнята: Стихи / Пер. с бур.; Рис. Е. Чернытина.—М.: Дет. лит. 1978.—95 с., ил.

В пер.: 65 коп.

Стихи известного бурятского поэта Цырена-Базара Бадмаева о своих земляках, о родном крае, о друзьях детства и сегодняшних бурятских мальчиках.

Б 70802—332
М101(03)78 308—78

С(Бур)

65 коп.